

18+

РИЯ ПЛАГА

Акогда

НЕ ПОЗДНО

Рия Плага

Никогда не поздно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54138286

ISBN 9785449868503

Аннотация

Это конец, – думала она, покидая дом и надеясь больше никогда не встретиться со своим прошлым. Вот только у жизни совсем другие планы на Алису Грин. У неё новая жизнь: другой мужчина, необычная работа, потрясающие друзья. Она смогла попрощаться со своими демонами и ошибками, что совершила. Но любовь не забывает и не отпускает. А мужчина, полюбивший всем сердцем, не уходит. И когда ей грозит опасность, Фабиан Бойл не может оставаться в стороне. Заключительная часть невероятной истории любви.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	18
Глава 2	39
Глава 3	62
Глава 4	84
Глава 5	108
Глава 6	133
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Никогда не поздно

Рия Плага

Тем, кто так же, как и я, верит в любовь.

К., спасибо, что разбудил меня.

© Рия Плага, 2025

ISBN 978-5-4498-6850-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Около 6 месяцев спустя

– Мне кажется, рука Итона должна быть на красном, а не на жёлтом, – крикнула я, удаляясь на кухню за очередной бутылкой вина. Мы дошли до той стадии алкогольного опьянения, когда можно начать играть в Твистер и не чувствовать себя недостаточно молодыми для этой забавы.

Из гостиной слышались шум и громкий смех, от которого по моему лицу скользнула улыбка. Друзья могут перевернуть квартиру вверх дном за минуту моего отсутствия, всего лишь играя в детскую игру.

Я открыла дверцу винного шкафа и пробежалась глазами по нескольким бутылкам, отыскивая ту самую, что доведёт этот вечер до нужного настроения и понесёт по волне алкогольного опьянения без возможных последствий завтрашним утром.

– Ну, ты долго, красавица? – на кухне показался Дэн, и я закусила губу, обернувшись на него и снова восхищаясь его внешностью, к которой всё ещё не привыкла. На нем обычная белая футболка и низко посаженные джинсы, но даже в простой одежде он выглядит как рок-звезда.

Впрочем, именно рок-звездой он и является, к чему я тоже никак не могу привыкнуть. Как такой талантливый муж-

чина мог выбрать меня в качестве своей спутницы, всё ещё не укладывается в моей голове.

– У Итона, как всегда, рука оказалась не там, где нужно? – рассмеялась я, наконец делая выбор в пользу бутылки Бароло и хлопая дверцей шкафа.

– Он просто не может долго находиться вдали от попки Грейс.

Я слышу, как Дэн движется по нашей небольшой кухне, и по шее пробегает дрожь, едва я чувствую его близость ко мне. Несмотря на то, что моё тело привыкло к этому мужчине, я всё ещё остро чувствую его приближение, и особенно его прикосновения. Уверена, это показывает, что наши отношения – это нечто большее, чем просто влюблённость. Ведь даже спустя долгие 5 месяцев, я ощущаю романтику в каждом сказанном друг другу слове.

– Я, кстати, его не виню: у Грейс потрясающая попка, – смеюсь я, но едва губы Дэна касаются шеи, оборачиваюсь к нему лицом, отталкивая от себя не понадобившуюся мне бутылку превосходного вина.

– Не лучше твоей, – голос мужчины становится глубже, и я ощущаю, как он возбуждается с каждым прикосновением моих рук к своему телу. Вот только это совсем не тот момент, когда мы можем себе позволить подобные выходки.

Я поднимаюсь на носочки, и целую его в уголок губ, слегка отталкивая от себя.

– Я бы поспорила, – снова разворачиваюсь я, открывая

ящики в поисках штопора, которым я умею пользоваться, в отличие от этого новомодного электрического, что подарили нам Итон и Грейс.

– Давай поспорим, потом так приятно мириться, – смеётся Дэн, проводя рукой по коротким волосам, но не делая попытки снова прикоснуться ко мне. Мы оба прекрасно знаем, что уже не сможем остановиться. За это я и ценю так Дэна: он точно знает, когда можно и нужно действовать, а когда стоит остановиться и насладиться этими искрами между нами, ведь мы обязательно найдём момент для того, чтобы показать друг другу наше желание.

– Вы там что, сексом занимаетесь? – послышался смех из гостиной, и я рассмеялась такой простоте наших друзей. Мы знакомы всего несколько месяцев, но уже так свободно чувствуем себя в обществе друг друга.

– Тебе этого не узнать, брат, – кричит Дэн, выходя из кухни и оставляя меня снова одну.

Наконец справившись с непослушной бутылкой обычным штопором, я, довольная, возвращаюсь в гостиную к друзьям, которые снова смешались на разноцветном поле.

– В следующий раз играем в монополию, – кряхтит Грейс, на которую падают оба мужчины, и краснеет от тяжести их тел.

По губам скользит улыбка, и я наполняю наши бокалы, пока друзья пытаются встать с поля и рассаживаются рядом. Я молча наблюдаю за тем, как Итон, Грейс и Дэн берут бока-

лы в свои руки, рассматривают алую жидкость и делают короткий глоток, наслаждаясь первым вкусом превосходного напитка. Слежу за тем, как Дэн прикрывает глаза от удовольствия, и в это мгновение люблю этого мужчину ещё сильнее. Мне достался самый лучший мужчина, о большем и мечтать нельзя. Дэн раскрывает глаза, смотря на меня, и у меня внутри растекается такое тепло безграничной любви и признательности. Он подмигивает мне, и кажется, что я краснею. Никак не привыкну к нашим отношениям и тому, что могу себя чувствовать в безопасности рядом с мужчиной, не вспоминая о прошлом, а строя только планы на наше счастливое будущее.

Я не слышу никого и ничего, когда смотрю на Дэна, когда вижу, как моё лицо отражается в его зрачках, и убеждаюсь в силе его любви ко мне. У нас не было боли и страданий, мы сошлись быстро, будто так и должно было быть. Может так и было? Эта встреча была предопределена, а я наконец должна была стать счастливой? Кто бы знал, что это произойдёт после того, как я перееду на другой конец земли и разорву все отношения с прошлым.

– Алиса!

Я слышу какой-то шум рядом, но отгоняю от себя эти неприятные звуки, снова концентрируюсь на любимом лице мужчины, что сидит напротив. Смотрю в его светлые голубые глаза, влюбляюсь вновь в ямочки, что появляются от его улыбки, представляю, как снова поцелую его щетинистый

подбородок и коснусь коротких кудрявых волос, наслаждаясь их мягкостью.

– Алиса!

Я все ещё пытаюсь игнорировать этот шум вокруг, но Дэн оборачивается на наших друзей, и я теряю эту связь с ним, тут же возвращаясь в реальность из мира моей любви к этому мужчине. Любви, которая, я думала, ко мне уже никогда не придёт.

– Алиса, кажется, кто-то стучит в дверь.

До меня наконец долетают слова Итона, изучающего меня так, будто смотрит в первый раз. Он все никак не привыкнет к моей способности отключаться от реальности и пребывать в мире грёз, игнорируя всё, что происходит вокруг.

– А?

– Кто-то стучит в дверь, – снова повторяет он чуть громче, и я поднимаюсь с дивана на автомате, так и не понимая, в каком из миров я сейчас нахожусь.

– Не начинайте без меня, я мигом, – кричу я из коридора, одновременно хватаясь за ручку двери и распахивая её на себя.

В это мгновение глаза моего прошлого оборачиваются на меня у стены напротив, и я теряюсь от ужаса, что сковывает меня против воли. Не уверена, что спустя полгода хочу чувствовать это, смотря в прошлое, но не могу изменить своего отношения, своих эмоций и того, что малая часть меня всё ещё болеет ушедшим из моей жизни.

Мы смотрим друг на друга молча, никто из нас не решается начать первым. Однако, я и не должна ничего говорить, потому что не я своим появлением рушу чью-то жизнь. Секунды, минуты молчания позволяют мне расслабиться от этого взгляда, изучающего меня, словно видящего в первый раз. Впрочем, он практически таким и является. Наши встречи в прошлом не были так значимы, как эта сейчас. Мне нужны слова, чтобы понимать, что это не принесёт мне душевного спокойствия, и сегодня ночью я не буду видеть сказочные розовые сны.

– Алиса, – её голос, в отличие от взгляда, холодный, со стальными нотками. На автомате я скрещиваю на груди руки, стараясь себя защитить. Хотя не уверена, что она способна причинить мне боль специально. Но кто знает причину её появления? Возможно, она искалечит меня, даже не отдавая себе отчёт в том, что совершает.

– Ты можешь выйти? Нам необходимо поговорить, – просит она, но я почему-то читаю в этих словах приказ. Возможно, я и хотела бы не подчиниться, но вместо этого хватаю ключи из вазы рядом с дверью и прикрываю дверь за собой.

На мне всего лишь домашние синие штаны и белая майка, открывающая все мои достоинства и не дающая возможности разыграться фантазии, потому что всё и так слишком хорошо видно. Я чувствую, что выгляжу неподобающе для подобной встречи, но менять не стала бы ничего.

Оказавшись в полумраке коридора, я могу более тщатель-

но рассмотреть непрощеную гостью.

Она немного ниже меня ростом, с короткой стрижкой, и я знаю почему. С трудом сглатываю, зная, через что пришлось пройти этой женщине за последние несколько лет. Но выглядит она не так, как я себе представляла, как запомнила мельком на ненавистной мне свадьбе. Я беззастенчиво разглядываю её кружевную белую юбку чуть ниже коленей, серую кашемировую водолазку. Я даже на расстоянии ощущаю её мягкость, и понимаю, сколько она стоит. На ней красные лаковые туфли без каблука, делающие её образ ярким и запоминающимся. Эта женщина точно знает, как выглядеть великолепно, даже пережив самое ужасное, что может быть в этом мире. Я восхищаюсь ею, и, наверное, она видит это по мне, потому что одаривает слабой улыбкой.

– Я хотела посмотреть на девочку, которая так повлияла на моего сына, – объясняет она своё появление на пороге моего дома, но нисколько не истолковывая его на самом деле.

Мы с Фабианом не общались уже полгода, с того самого дня в аэропорту, когда он улетал со своей женой и её матерью, а я навсегда покидала Штаты, чтобы не встретиться с ним и любым другим человеком, что может связать меня с ним. Было слишком больно возвращаться к нему, даже мысленно, и сейчас, смотря на его мать, эта боль вновь просыпается во мне. Я чувствую, как озноб пробирается под кожу, и не могу остановить себя от того, чтобы не начать дрожать. Нет, мне не холодно. Мне страшно от того, что она мо-

жет сказать дальше, но больше я боюсь того, что не до конца забыла свои чувства к этому невыносимому мужчине, который разрушил меня до основания.

– С ним все хорошо? – мой голос дрожит против воли, и вопрос разрывает пространство, оглушая меня. Мне не безразлична его судьба, даже спустя столько дней вдали.

– Как посмотреть, – замечает она, рассматривая меня ещё пристальнее, от чего я ещё больше ёжусь и хочу раствориться в этом пространстве, чтобы она не могла проникать под кожу, задевая те струны моей души, что я давно в себе убила ядом любви Фабиана Бойла.

– Что вы имеете в виду?

– Я хотела просить тебя вернуться домой, – её голос снова становится стальным.

– Мой дом здесь. Не понимаю, что вы хотите от меня. Почему вы не объясняете, что с Фабианом?

– Он жив, если ты про это. Физически, во всяком случае, он все ещё жив и находится дома. Но его душевное состояние – повод для того, чтобы ты вернулась домой. Ты нужна моему мальчику, – говорит она это, как заученный текст, что нисколько не объясняет мне того, что происходит на самом деле.

Впрочем, если она здесь, то с Фабианом точно не всё в порядке. Видимо, совершать глупые поступки у него в крови, и от этой привычки он не избавится никогда. Но я не тот человек, что будет решать эти проблемы. Он больше не моя

головная боль, да и никогда не должен был ею стать в принципе.

– Боюсь, что я не смогу помочь вашему сыну. Вы зря совершили такое длительное путешествие. Кстати, как вы узнали, где меня найти? – я откинулась на закрытую дверь моей квартиры, стараясь держаться увереннее на её фоне и не выдавать того, как сильно бьётся сердце у меня в груди от одного упоминания имени её сына.

– Оливер выдал твой адрес после того, как я рассказала, насколько всё плохо, – наконец ответила она хоть на один из моих вопросов, но не подарила мне желанного облегчения.

Оливер никогда бы не поступил так без веских оснований. Я знаю, насколько он ненавидит Бойла и как сильно желал того, чтобы я избавилась от этого балласта в моей жизни. Видимо, даже Оливера Шера есть чем задеть так, чтобы он разрешил кому-то вмешиваться в мою жизнь с его племянником.

– Это не заставит меня вернуться к вашему сыну, простите. После того, что он сделал с моей жизнью, я не смогу вернуться к нему. Я даже видеть его не могу, – чуть повышаю я голос, стараясь донести свои чувства до этой женщины, которая всего лишь переживает за своего сына.

Интересно, а он вообще знает, что она здесь и разговаривает со мной? А вдруг это он подослал её ко мне, чтобы разжалобить и заставить вернуться? Но надеюсь, что Фаби-

ан не настолько низкий человек, чтобы подсылать больную мать ради своего задетого эго.

– Я знаю, что он поступил с тобой нехорошо. Он так поступает всегда, когда боится потерять кого-то очень важно-го в своей жизни. Фабиан очень ранимый мальчик и тяжело справляется с утратами. Но ты делала его лучше, он стал другим человеком. И я хочу такого сына, а не того, во что он сейчас превращается – в своего отца, – я вижу, что у неё на глазах скапливаются слезы, едва она затрагивает тему своего умершего мужа и того, каким он был отцом по отношению к Фабиану, да и, наверное, мужем он был также неваж-ным. Но это не способно изменить моё отношение. Я покля-лась себе никогда не возвращаться к тому, что делало меня слабой, безвольной и унижало в собственных глазах. Слиш-ком поздно для раскаяния.

– Я не тот человек, что поможет вашему сыну. Прости-те меня, но я не стану помогать ему выйти из того состоя-ния, о котором вы говорите. Он не помогал мне справиться со всем этим ужасом в моей жизни, так что и не мне приходи-ть к нему на помощь сейчас.

– Я понимала, что не смогу тебя убедить. Но должна была приехать и попробовать, попросить сама. Знаю, он причинил тебе боль, но мой мальчик не умеет по-другому. Я не смог-ла показать ему, что любить нужно бескорыстно и искренне, не научила не причинять боль своим близким. Но это не де-лает его плохим человеком, просто его раны никто не смог

залечить, и он стал ожесточён. И единственный человек, разбудивший его истинное я, не смог справиться. Я не виню тебя, дорогая. Жаль, что мы не познакомились при других обстоятельствах. Возможно, объясни я тебе это раньше, мы сейчас не стояли бы в этом холодном коридоре, – женщина пожала плечами, но не двинулась с места.

– Мне жаль. Простите, что я не могу помочь вам. Я слишком долго лечила своё сердце от вашего сына, чтобы сейчас снова окунуться в этот омут. Здесь у меня другая жизнь, я наконец счастлива. Простите, – я и сама не знаю, за что извиняюсь. Наверное, не стоило просить прощения за то, что я счастлива, в отличие от её сына. В этом совсем нет моей вины. Каждый сделал свой выбор. Все могло бы быть иначе. Вот только не уверена, что было бы менее больно.

– Ты умная девочка. Жаль, что Фабиан упустил тебя.

– Спасибо, – я потупила взгляд в пол от этого комплимента, которого не заслуживала слышать от этой женщины. Несмотря на то, что я не сделала её сына счастливым, а, возможно, даже напротив, она не держит на меня обиды и даже не считает законченной стервой.

– Хотела бы, чтобы мы ещё увиделись, но вынуждена сказать «Прощай, Алиса». Желая тебе счастья.

– Спасибо, – вновь повторила я, поднимая голову, чтобы увидеть, как женщина нажимает кнопку лифта, ожидая его прибытия, чтобы навсегда уехать из моей жизни.

– Передайте, – останавливаюсь я прежде, чем продолжить

фразу, понимая, что не должна ничего говорить.

– Да? – женщина оборачивается ко мне, и я не могу не видеть в ней черты Фабиана, даже несмотря на то, что она не его родная мать. Но эти глаза, полуулыбка и тепло, что я когда-то чувствовала от него, теперь долетает ко мне через весь коридор от неё.

– Я хотела, чтобы вы передали Фабиану, что, несмотря на то, что для нас уже слишком поздно, он может быть счастлив, если позволит себе любить, а кому-то полюбить его таким, какой он есть, без масок и лжи, – я отвернулась к двери, вставляя слегка дрожащей рукой в замочную скважину ключ, больше не в силах смотреть на эту женщину.

– Пока живёт любовь, Алиса, никогда не поздно, – долетают до меня её последние слова вместе с шумом закрывающихся дверей лифта.

Едва я открываю дверь квартиры, как падаю в объятия открывающего с другой стороны дверь Дэна. Я не заметила, как начала плакать.

– Что случилось? Кто там был? Тебя не было больше получаса.

Дэн сильнее сжимает меня в объятиях, поглаживая по голове, пока я изливаю все слезы, что, видимо, у меня ещё остались из-за моего проклятья и того, что я не смогла до конца выкинуть мужчину с самыми чёрными глазами из своей жизни.

– Мне надо так много тебе рассказать, – смогла выдать

я из себя.

Сегодня мы не будет спать ночью, а столкнёмся с ужасом моего прошлого. Я надеюсь лишь на то, что после услышанного Дэн всё ещё будет рядом со мной. Ведь сейчас только рядом с ним я чувствую себя в безопасности.

Глава 1

– Оставь меня здесь, я больше не могу, – я бросила взгляд на отошедшего уже на пару метров от меня Дэна, обернувшегося тут же на меня и улыбающегося своей неподражаемой белозубой улыбкой так, что у меня щемит сердце от одного взгляда на него.

– Ну же, Лис, осталась пара километров, и мы будем на вершине, – он сделал несколько шагов вниз по крутой тропинке и достал из рюкзака за спиной бутылку воды, делая несколько больших глотков.

Я наблюдаю за ним краем глаза, стараясь отдышаться, согнувшись пополам так, что волосы, заплетённые в косу, касаются земли. Я делаю несколько глубоких вдохов и выпрямляюсь.

– Иди вперёд, ненавижу, когда ты смотришь, – фыркаю на смотрящего на меня мужчину так, что он громко смеётся, и немногие люди, сидящие в кафе, рядом с которым я остановилась, обернулись на него.

– Я жду тебя наверху, через пятнадцать минут отправлю поисковую бригаду, не задерживайся, – он подмигивает мне и вновь опускает на нос очки-авиаторы, быстро скрываясь за крутым поворотом, наконец оставляя меня наедине с собственными мыслями.

Мы с посетителями кафе ещё несколько секунд смотрим

на то место, откуда стартовал Дэн. Мне и самой до сих пор не верится, что я с ним рядом. После событий прошлого года, после всего того кошмара, что я пережила, и того, что заставила испытать близких для меня людей, не могу поверить в то, что наконец могу быть счастливой. Рядом заботливый и любящий мужчина, которому не нужно ничего, кроме моей любви, способный быть честным и не прятаться. А ещё он достаточно взрослый, чтобы терпеть все мои выходки.

За этот год Дэну пришлось испытать на себе весь ужас моего становления как нового человека. Мы будто прошли стадию от рождения до полового созревания всего за один год, ускоренными темпами, но это нисколько не упрощало ему жизнь. Дэн терпеливо снёс все ужасы моего характера, и теперь мы можем спокойно проводить время только вдвоём, не ссорясь, а только наслаждаясь обществом друг друга. Как делаем это сейчас, в наш совместный отпуск на берегу Эгейского моря.

Если бы год назад меня спросили, верю ли я в то, что ровно год спустя я буду стоять на каменной лестнице в Греции, подниматься к византийской крепости на горе Символо, и при этом меня будет подбадривать потрясающий мужчина, которого я буду любить – точно ни за что бы не поверила в возможность подобного.

Улетая из Денвера в прошлом году, я знала, что придётся собирать себя по частям, знала, что много время потрачу на поиски себя, и мне придётся себя заставлять каждый день

не любить Фабиана и не думать о нем, как это происходило раньше. Он был частью моей жизни, но я должна была оставить всё это в Денвере. Я обещала, что не буду больше плакать, все слезы оставлю дома и не вернусь к этим ощущениям. Так и случилось. Я уже год не плакала, а в последние полгода улыбка не сходила с моего лица ни на день. И всё это благодаря этому потрясающему парню, что ждёт меня на самом верху. Он научил меня снова чувствовать вкус жизни, снова улыбаться и наслаждаться, а ещё он делает меня лучше с каждым днём.

Благодаря Оливеру, я отлично устроилась в Сиднее, у меня была потрясающая работа в аэропорту, где мне удалось найти баланс между желанием быть трудоголиком и пропадать постоянно на работе и личной жизнью, ведь не меньше времени я хотела быть с Дэном. Работа позволила мне стать по-настоящему счастливой. Я плавала в океане, научилась управляться с доской, правда у Дэна это заняло не один месяц, но его уроки не пропали зря: теперь мы каждые выходные проводили на досках в окружении любимых людей. Плотный график концертов группы Дэна позволял нам скучать друг по другу, а мне работать, пока его не было рядом. Но вот когда мы снова оказывались в объятиях друг друга, происходила настоящая магия: именно за таким чувством я гналась всё это время. Я всё реже думала о Бойле: сначала пару раз в день, затем – раз, а после – пару раз в неделю, и, наконец, он просто перестал возвращаться ко мне во снах

и мыслях. Я отпустила его и полностью сконцентрировалась на новой жизни.

Мы с Дэном провели в Сиднее чуть больше 10 месяцев, из которых восемь – в любви друг к другу. Но работа позвала его снова в Америку, а я просто не представляла свою новую жизнь без него. Наконец работа перестала быть главной в моей судьбе, и в ней появился мужчина, ради которого я смогла пожертвовать карьерой. Мы с Дэном уже два месяца живём в Лас-Вегасе – городе огней и адреналина.

Не думаю, что кто-то знал, что я вернулась в Штаты, впрочем, с людьми из прошлого мы уже давно перестали соприкасаться. Ева так и не простила меня и не смогла отпустить прошлое. Насколько я знаю, она всё ещё замужем за Адамом, и теперь этот бедняга страдает от её изменчивого характера. Мой отец и Люси всё ещё в программе защиты свидетелей. Мы не общаемся, но я не смогла бы выкинуть их из жизни, поэтому Анна передаёт мне все новости: они усыновили мальчика из Эфиопии и назвали его Эгон. Уверена, что у них всё хорошо.

Моя единственная связь с прошлой жизнью – Анна, хотя мы всё реже выходим на связь. Она счастлива с Маркусом, воспитывает малышку, и они планируют второго ребёнка в ближайшее время. Видимо, жизнь у всех идёт просто замечательно. Я не спрашиваю про Бойла и не читаю новостей, всех, что могут затронуть его персону. Мне все ещё больно вспоминать о своих чувствах и том, как он поступил с ними,

но и это, надеюсь, скоро пройдёт.

Я поправила чуть задравшиеся джинсовые шорты, опуская их вниз по загорелым ногам, заправила раскатавшиеся рукава белой рубашки и перекинула косу вперёд – волосы порядочно отрасли за этот год, да и я вся изменилась.

Мой внутренний мир претерпел изменения, но это было бы не столь заметно, если бы не те изменения, что произошли с моим внешним образом. Наконец, вставая по утрам и кидая взгляд в зеркало, я вижу ту девушку, которой когда-то хотела быть. Загорелая кожа, длинные волосы, красивая грудь и почти идеальный плоский живот. Мои тренировки в зале несколько раз в неделю не прошли даром, а сёрфинг способствовал тому, чтобы тело стало более фактурным, а я приковывала внимание парней. Теперь мне было не стыдно находиться рядом с Дэном, и я знала, что достойна того, чтобы быть именно с таким мужчиной. Мои комплексы больше не могли разрушить личную жизнь, потому что их след простыл. Я была свободна от собственных предубеждений. Я могла делать с собой всё то, что захочу, и это всё мне безумно нравилось. Розовые пряди в светлых волосах, выгоревших на солнце, маленькая татуировка у груди, о наличие которой знает лишь тот мужчина, что засыпает и просыпается рядом со мной, и этот огонь в глазах, что я вижу каждый раз в зеркале. Я люблю эту девушку перед собой. Наконец я влюблена в неё чуть сильнее, чем в мужчину рядом.

Я наклонилась, чтобы завязать шнурок на моих белых ке-

дах, пропуская несколько человек вперёд. До ушей долетает речь на разных языках, но могу легко определить только по интонации, кто сдаётся и просит не ждать его, а кто готов пройти ещё такое же расстояние вверх, лишь бы насладиться красотой открывающегося вида.

Мне нужно было немного больше времени, чтобы понять, чего я хочу на самом деле. Но в минуты единения с собой осознание приходит быстро. Я не из тех, кто сдастся перед какой-то лестницей, не для этого я столько месяцев лишала себя сладкого и правильно питалась, чтобы теперь не превозмочь себя и не подняться на самую вершину. Это всего пара километров вверх.

Я поднялась с коленей, вливаясь в поток туристов, шедших наверх. Вдоль крутой лестницы была не менее крутая дорога для редких проезжающих машин, на которой расположились кафе и маленькие сувенирные магазинчики.

Мне нравилось в Греции: я почему-то чувствовала себя здесь живой и по-настоящему счастливой. Мы с Дэном много работаем, у него идёт запись нового альбома, а я стала помогать им в организации туров и концертов, так что времени друг для друга остаётся не так и много, поэтому этот отпуск был так важен для нас. Сменить место, страну и окружение – только он и я, и никакого реального мира.

Греция стала для нас идеальным местом для подобного приключения. Мы прилетели чуть больше недели назад, взяли машину в аренду и пустились в наше дорожное путеше-

ствие. Сон в машине на мысах, купание на рассвете в море, пикники в горах и вот такие вот маленькие потрясающие города, куда редко заносит любителей пакетных туров. Эта атмосфера, люди и еда – все то, что я так хотела получить от настоящего отпуска. Мне нравилось вкусное недорогое вино и оливки, я под села на жареный сыр и не представляю и дня без фруктов. Каждое утро мы бегаем вдоль моря, занимаемся любовью и ощущаем каждой клеточкой своего тела, что такое счастье. Даже сейчас, чувствуя боль в мышцах, я счастлива. Я жива.

Я часто возвращаюсь к воспоминаниям о том дне, когда впервые увидела Дэна. Удивительно, как я тогда не поняла, что вот он и есть мой мужчина: тот, который не создаёт проблемы, не давит на самые больные места, который слушает и знает обо мне всё. Раньше я всегда думала, что пойму, когда встречу того самого мужчину. Так и случилось однажды. Я считала, что именно Фабиан – тот самый, и наша боль, наши отношения и есть настоящая любовь, ведь без драмы просто невозможно. Но сейчас, находясь рядом с мужчиной, который меня по-настоящему любит и ценит, я вдруг поняла, что драмы никакой и не должно быть. Спокойствие и взаимопонимание – это кирпичи, на которых построены наши отношения.

Иногда, лёжа рядом с Дэном, я вспоминаю то, как впервые смотрела в его глаза, и как моё сердце забилося чаще, несмотря на то, что я была с Фабианом, и моя душа тогда

принадлежала ему, впрочем, и сердце тоже. Я рада, что смогла хотя бы одну часть себя отучить любить Бойла и попыталась перестать болеть этим мужчиной для того, чтобы испытывать настоящее счастье рядом с тем, кто меня понимает. Переехав в Австралию, я точно знала, чего хочу. Просто путь был мне не понятен. Поэтому я особенно рада тому, что рядом оказались друзья. Оливер и Дэн приняли меня, как часть своей семьи, были рядом и стали проводниками в мою новую жизнь. Ту, где я не собиралась больше врать, хотела перестать страдать и надеялась, что получится полюбить заново и кому-то довериться. Дэн знает обо мне всё, даже самые ужасные подробности, и не испугался этого. Он отреагировал именно так, как я и мечтала: в его глазах не было страха и жалости, он просто принимал правду, и готов был её перешагнуть, и двигаться только вперёд, не оглядываясь назад. Не перестану благодарить высшие силы за такой подарок судьбы после всего ужаса последних лет.

Я отошла с дорожки и подошла к сувенирному магазинчику, рассматривая браслеты и кулоны из якобы натуральных камней. Я просто переводила дыхание перед тем, как совершить последний рывок и наконец подняться на самый верх, где меня ждал Дэн. Я приподняла солнцезащитные очки, провела пальцами по надписи на браслете «Я тебя люблю» и перевела взгляд на снежный шар с изображением Зевса. Я так и не произнесла эти слова Дэну до сих пор, хотя и чувствую это с каждым днём всё сильнее. Но мне поче-

му-то невообразимо сложно произнести это вслух. Последний раз, когда я говорила это, причинил мне такую невыносимую боль, что теперь становится ещё страшнее, что сказка разрушится, и моё сердце снова будет вдребезги разбито. Я понимаю, такое не может случиться с Дэном, и он никогда не сделает мне больно. Но этот страх где-то внутри меня, даже время не способно пока что заглушить его. Но я очень упорно работаю над тем, чтобы наконец сказать это мужчине, который действительно заслуживает подобного признания.

– Алиса!

Этот глухой голос, и я резко разворачиваюсь на месте, смотря в чёрные глаза мужчины, что стоит в нескольких шагах от меня, импульсивно делаю шаг к нему, как делала это всегда, будто мотылёк на свет. Но вовремя останавливаюсь, замираю, не в силах отвести взгляда от этой черноты.

Нет, нет, нет. Нет!

Мне кажется, я перестаю дышать, существовать, ощущать и мыслить. Я больше не человек, я – концентрация каких-то глубинных эмоций и воспоминаний, я – пыль, не способная собраться перед этим взглядом. Распадаюсь на части и не могу заставить своё сердце забиться в груди.

– Малышка, – он первый подаёт голос и делает шаг ко мне, а я отступаю на такое же расстояние от него. Снова его шаг вперёд и мой – назад. По его лицу скользит странная полуулыбка, а по моему телу пробегает дрожь от страшных вос-

поминаний.

– Малышка, – его голос обволакивает меня, и я начинаю дышать, понимая, что это вовсе не сон. Он правда здесь, стоит передо мной, будто не прошёл год с нашей последней встречи.

– Нет, – мне кажется, кричу я в ответ, и резко разворачиваюсь, чтобы убежать от этого непрошеного видения. Я втискиваюсь в толпу китайских туристов и надеюсь, что мне удастся сыграть на неожиданности моего поведения и скрыться от Фабиана. Я не оборачиваюсь, а моё сердце так бешено стучит в груди, будто я пробежала несколько миль, а не увидела перед собой привидение из прошлого. Но я совсем не готова была встретиться с этим мужчиной сейчас, хотя, наверное, вообще никогда не буду готова до конца.

После стольких дней он не может появиться и надеяться, что можно что-то изменить. Хотя нет, неважно, что он хочет, он не может даже наедаться на то, что я буду с ним разговаривать.

Я ускоряю шаг и отрываюсь от толпы позади меня, оставаясь одна на узкой тропинке, на которую свернула в надежде, что Бойл не пойдёт за мной и не сможет отыскать в этих лабиринтах старого города. Я останавливаюсь возле красной двери, одной из многих на узкой улице, и сгибаюсь пополам, стараясь подавить рвотные позывы. Это всё не укладывается в моей голове, я не могу думать и не понимаю, что чувствую, но, чтобы это не было, оно точно не носит название

«ЛЮБОВЬ».

Не знаю, что ему здесь надо, почему он вообще может находиться в Греции, в таком маленьком городке, как Кавала, но очень сомневаюсь, что это просто приятная случайность. Нет, у таких, как Фабиан Бойл, не может быть ничего случайного, он всегда всё делает намеренно, рассчитывая каждый свой шаг наперёд. Я почти уверена, что он здесь для того, чтобы снова испытать меня, причинить боль и растоптать, ни для чего хорошего он не может появиться спустя год.

Я должна признаться в том, что первое время мне было больно не только из-за всех событий, но ещё большие муки мне причиняла засевавшая в голове мысль: «Он даже не пытается меня вернуть». Он не полетел за мной, не звонил и не писал, одним словом, не сделал ничего для того, чтобы я простила.

Да, я не смогла бы это сделать, но мне было бы приятно узнать, что он хотя бы пытается исправить то, что натворил. Но вместо этого мой телефон молчал, дверь резко не раскрывалась для того, чтобы он вошёл в неё и посмотрел на меня своими чёрными, сжигающими всё на своём пути глазами. Фабиан сделал всё для того, чтобы я начала жить заново как можно быстрее, как я и просила. Но это меня и злило больше всего. Мне не хотелось тогда продолжать жить, я хотела, чтобы он был рядом каждый день, несмотря на то, что натворил. Я любила его и ждала, а он так и не появился. Сейчас я, возможно, ему благодарна за это, но тогда точно не была.

– Сложно скрыться от человека, который знает тебя лучше тебя самой, – позади меня раздался голос так, что я снова резко выпрямилась, но побоялась обернуться и посмотреть в эти глаза. Не знаю, что со мной, не понимаю, почему я всё ещё реагирую на него, хотя не должна бы. Но губы пересохла, и я не уверена, что могу сказать и слово, не понимаю, что сейчас руководит мной, но я хочу продолжить бежать от него – это единственное, что возможно спасёт меня от меня самой. Но вместо того, чтобы послушать свой внутренний голос и снова спрятаться, в надежде, что он наконец не отыщет меня, я медленно разворачиваюсь и смотрю в лицо своего проклятья.

Фабиан ничуть не изменился за то время, что я его не видела. Разве что его чёрные волосы теперь были коротко стрижены и не падали на лицо. Мне показалось, что его тело приобрело ещё более скульптурную форму, на руках сильнее натягивалась голубая льняная рубашка, а бедра плотнее обтягивали белые чиносы. Но его глаза, улыбка и влияние на мою израненную душу остались прежними.

– Я не пряталась, – фыркнула я, отбрасывая косу назад и складывая руки на груди, стараясь защититься от Фабиана Бойла.

– Ты так и не научилась врать, Алиса, – усмехнулся он, а по моей шее прошлись мурашки от интимности его голоса, хотя слова совсем не были приятными. Но я тут же вспомнила, какие слова он шептал мне ночью, как его руки ласка-

ли мою кожу, и я таяла в его объятиях.

– А ты так и не научился держаться подальше от меня, – я отступила назад, упираясь в дверь. Отступить было некуда, но мне очень хотелось, чтобы эта дверь распахнулась, и я смогла бы юркнуть туда и не говорить с этим мужчиной. Он делает больно, даже просто смотря на меня.

– Я здесь не для того, чтобы спорить. Ты должна поехать со мной, – Фабиан сделал шаг ко мне, и я поморщилась, будто боясь, что он нанесёт мне удар. Возможно, я боюсь сейчас не столько физической боли, а того, как он ранит меня, снова врываясь в мою счастливую жизнь. Это причиняет почти ощутимые страдания, похуже любых истязаний тела.

– Конечно, только вещи соберу, – усмехнулась я. Надеюсь, он не серьёзно, потому что это полный бред. Конечно же, я не брошу здесь своего мужчину и не сбегу с Фабианом, особенно потому, что он просто так сказал. Это действительно выглядит сейчас как сумасшествие.

– Я серьёзно, – он сложил руки на груди, рассматривая меня и делая маленькие шаги в мою сторону, видимо, надеясь, что я не замечу того, как он приближается.

Но я всё равно не могла бы сбежать от него. Это практически невозможно в мире, где правят такие люди, как Бойл. Спрятаться я могла бы только в могиле, да и то не факт, что и из ада он меня не достал бы, если бы захотел.

– Я говорила это год назад, и, видимо, повторю ещё раз. Я не дам себе совершить эту ошибку ещё раз: я никогда не пой-

ду с тобой, куда бы ты не позвал и что бы не попросил, – мой голос звучал жёстко, но я наконец смогла взять себя в руки и вернуться в реальность. Ту, где я счастлива с Дэном, ту, где Фабиану больше нет места рядом со мной.

– Я просто хочу защитить тебя, не сопротивляйся, это для твоего блага.

– Справлялась без тебя, и, что бы ни случилось, продолжу делать это. Ты мне больше не нужен, – я резка и уверена в правильности своих слов и поступков. Я больше не такая глупая, не такая доверчивая и точно не такая влюблённая.

Несмотря на то, что мне невыносимо больно смотреть на Фабиана, и я всё ещё уверена, что он самый красивый мужчина, которого я видела в своей жизни, я больше не попадусь на эту удочку. Время для нас безвозвратно ушло, и его уже никогда не вернуть.

– Это всегда был я, малышка. Твоя безопасность – дело моих рук, но теперь, только если я буду рядом, это не изменится. Тебе придётся мне поверить.

Фабиан подошёл ко мне достаточно близко для того, чтобы я могла прочитать в его глазах уверенность в своей правоте, а также капельку страха, надеюсь, что за меня, а не того, что я могу не согласиться. Мне будет жаль его разочаровать.

– Я вообще не должна была тебе верить, ни тогда, ни тем более сейчас.

– Не спорь, Алиса. Я приехал за тобой и не уеду с пустыми руками, – его слова звучали почти угрожающе, но я боль-

ше не подвластна ни его угрозам, ни просьбам. Может, маленькая часть меня всё ещё не разлюбила этого мужчину, но большая – точно постаралась над тем, чтобы возненавидеть его и никогда больше не позволить себе поверить даже самым сладким его речам.

Фабиан сделал последний шаг в мою сторону и резко схватил за руку так, что я почувствовала боль от его прикосновения.

Мне кажется, я действовала на инстинкте. Выдернула резко руку из его хватки и, не раздумывая, пнула коленом в бедро так, что Фабиан поморщился от боли и отступил от меня, давая возможность вырваться из ловушки, в которую я сама себя загнала. Всего пара шагов в сторону, и я останавливаюсь и разворачиваюсь, смотря на Бойла. Не знаю почему, но не могу просто сбежать от него, не могу не причинить ему боль словами, что произнесу, мне хочется, чтобы он хотя бы на короткое время испытал такую же пытку, что причинял мне все эти годы.

– Никогда не прикасайся ко мне. Скажи спасибо, что я всё ещё разговариваю с тобой, – бросила я ядовитые слова прямо ему в лицо.

И если раньше я считала, что легко могу прочитать все эмоции Бойла по его лицу, то сейчас я могла убедиться в том, что совершенно не знаю этого мужчину.

Он выпрямился во весь свой рост и выглядит устрашающе, даже на расстоянии пары шагов от меня. Его волосы

казались блестящими и будто переливались светом, видимо, так лучи солнца играли с ними. Мне даже на мгновение показалось, что вокруг него образуется нимб, но у такого мужчины могут вырасти только дьявольские рога и хвост, чтобы утащить меня в ад, но никак не поднять на небеса, как присуще ангелам. Его губы сжались в тонкую линию, ноздри раздувались, но эти глаза, тьма, которая меня однажды поглотила и подчинила – в них не было злости, в них не было и любви. Если бы я не знала Фабиана достаточно хорошо в прошлой жизни, то сейчас бы я подумала, что это восхищение, поклонение и уважение. Но он никак не должен чувствовать это по отношению ко мне, ни сейчас и никогда.

– Алиса, – его голос кажется усталым, и это меня раздражает так, что я снова скрещиваю руки на груди, пытаюсь услышать слова, что он мне сейчас скажет, – ради себя, просто послушай и сделай так, как я говорю, – он по старой привычке проводит пальцами по волосам, но они больше не запутываются там, и, наверное, этот жест больше не может снять раздражение, которое я сейчас у него вызываю своей строптивостью. Но по-другому и быть не могло. Надеюсь, он понимал, что я не соглашусь, когда ехал за мной на другой край земли.

– Алиса, – позади меня раздаётся крик так, что я отворачиваюсь от Фабиана и встречаюсь глазами с встревоженным взглядом Дэна. Он запыхался совсем немного: уверена, адреналина добавили мысли о том, что со мной что-то случи-

лось, а не слабая пробежка вниз по крутой лестнице.

– Что ты здесь делаешь? Я беспокоился, – Дэн подходит ко мне, сделав всего несколько шагов, и прижимает к себе, сжимая в крепких объятиях, будто меня не было несколько дней, а не какие-то минут тридцать или чуть больше. Мне всегда было сложно понять, сколько времени проходит рядом с Фабианом, видимо, это всё ещё не прошло.

– С тобой всё в порядке? Почему ты не пришла? – Дэн забрасывает меня вопросами, не обращая внимание на мужчину, что стоит позади нас, но я чувствую, как его взгляд прожигает во мне дырку так, что возможно в животе скоро появится сквозной ожог от этого взгляда. Дэн отстраняет меня от себя и разглядывает, стараясь убедиться, что со мной всё в порядке. Я не успеваю произнести и слова, как он отодвигает меня в сторону, закрывает своей спиной и переводит взгляд на стоящего неподалёку Бойла.

Я будто оказалась в своём самом страшном сне. Моё прошлое и настоящее, мой страх и моя реальность встретились, и я не представляю, что будет дальше.

– Фабиан? – Дэн переводит взгляд на меня и приподнимает в вопросе бровь, как делает каждый раз, задавая вопрос, на который ему совсем не нужно было получать ответ. Молча киваю, не имея в себе достаточно духа, чтобы посмотреть на Дэна или на Фабиана. Хотя я и не совершила ничего противоправного, всё равно чувствую себя почему-то виноватой перед своим мужчиной. Я должна была бежать быстрее и на-

конец оказаться рядом с ним, а не на этой узкой безлюдной улице наедине с мужчиной, от которого нужно только прятаться, а никак не слушать бред о безопасности и принуждении ехать с ним непонятно куда и непонятно зачем.

Я молча наблюдаю за тем, как Дэн движется в сторону Бойла, смотря ему прямо в глаза. Фабиан с вызовом принимает это противостояние и, вместо того, чтобы ретироваться или хотя бы отступить, он делает шаг в сторону Дэна и ухмыляется свой самой омерзительной улыбкой – улыбкой победителя. Хотя я бы на его месте не торопилась признавать себя победителем. Дэн замирает возле Бойла, их разделяет всего пара сантиметров. Я замечаю, что Дэн на несколько сантиметров выше Фабиана, но, наверное, это заметно лишь мне одной, хотя на улице никого, кроме меня, и нет. Я наблюдаю за тем, как они изучают друг друга, как делают выводы, не сказав ни слова, и решают, что же будет дальше. Не знаю, что происходит в головах мужчин, но я точно в ужасе и хочу сбежать. Но мои ноги будто ватные, не могу пошевелиться и продолжаю наблюдать за этой безмолвной сценой. Мужчины почти одинаково атлетично сложены, разве что у Дэна немного шире плечи. Но я знала Фабиана достаточно для того, чтобы понимать, что он никогда не сдастся, даже если соперник сильнее, да даже если он уже выиграл, Бойл не отступит. Я была раньше такая же: я точно не отступила бы перед более сильным соперником, во мне кипел бы адреналин. Ведь бороться с сильнейшим гораздо интереснее,

чем со слабым.

Всего лишь взмах ресниц. Я успеваю только моргнуть, как кулак Дэна врежется в левую скулу Бойла, и раздаётся хруст, от звука которого по коже пробегает дрожь, и я морщусь. Я вижу, как Фабиан пошатнулся, но продолжил стоять и смотреть на Дэна, он даже не поднял руку и не замахнулся, не сказал ни слова.

– Держись от неё подальше. Ей потребовался год, чтобы наконец выкинуть тебя из жизни, не пытайся вернуться туда, откуда тебя уже выгнали однажды. Приблизись – покалечу, – бросает Дэн и, резко развернувшись, подходит ко мне, берет нежно за руку, уводя подальше от Бойла. Я никогда раньше не видела его таким, не испытывала такого возбуждения от того, что мужчина за меня заступается. Во мне бурлил адреналин, наверное, покруче, чем в этих мужчинах.

Ласковое прикосновение пальцев мужчины было таким странным после такого сильного удара по лицу Бойла, и хотя маленькая часть меня жалела оставшегося на улице в одиночестве моего бывшего босса, другая, куда большая часть, ликовала от того, что я сделала правильный выбор в пользу того, кто будет за меня заступаться, кто чувствует меня. Но ещё больше меня восхищало, как легко Дэну удалось переключиться от жестокости по отношению к Бойлу к нежности ко мне.

Мы снова вышли на крутую лестницу. Дэн, не разжимая наши пальцы и не произнося ни слова, повёл меня на самый

верх. Каждый оставался со своими мыслями. Я не знала, что говорить: оправдываться или благодарить? Конечно, я рассказала ему всю историю и даже делилась неприятными подробностями, чтобы наконец изгнать из своего сердца Фабиана. Но не думала, что их очная ставка может закончиться чем-то подобным.

Хотя теперь я могу пытаться убедить себя в том, что Бойл никогда не появится больше в нашей жизни, и не будет громких речей о моей сохранности. Сейчас он точно убедился в том, что я в полной безопасности: ведь рядом тот мужчина, что может постоять за меня и никогда не позволит страдать.

Я обернулась назад, чтобы убедиться в том, что Бойл не следует за нами. Наверное, не следовало делать этого, но та часть моей души, что не была способна убедить меня возненавидеть Бойла, та часть, что всё ещё принадлежала ему, как самому невыносимому мужчине в моей жизни – эта часть надеялась, что он так просто не сдастся. Это часть умоляла его идти за мной и не дать уйти снова.

Знаю, что всё это нереально, и Фабиану куда проще меня отпустить и опустить руки, чем бороться. Но я, наверное, никогда не переставала надеяться, что была для него чем-то большим, чем игрушкой и развлечением на недельку-другую. Я искренне верила, что он может любить и полюбит меня, как я того хочу. Сложно было признать, что Фабиан не любит никого, кроме себя, что не сможет испытать этого чувства, и я для него – не больше, чем очередная подстилка,

даже если со мной и было немного интереснее, чем со всеми остальными.

Позади нас мелькнула чёрная макушка, и моё сердце забилось сильнее.

Если я сейчас не проснусь от этого кошмара, то, вероятно, что моей спокойной жизни пришёл конец. Я не уверена, что готова к новой игре, вот только моего мнения никто никогда не спрашивал.

Может, я знала Фабиана достаточно хорошо, чтобы понимать, что он просто давал мне время, а теперь песочные часы перестали отсчитывать песчинки, и он пришёл забрать то, что когда-то принадлежало ему. Знаю наверняка, что Фабиан не согласится на проигрыш.

Глава 2

– Это самое потрясающее место, что я видела в своей жизни, – я обернулась к Дэну, смотрящему на меня, вместо того, чтобы наслаждаться самым крышесносящим видом. Прямо под нами расстилались море, горы, небольшой городок в низине – и всё это окрашивалось потрясающим красным светом заката. Моё сердце трепетало в груди от этого великолепного момента: того, что мы вдвоём можем видеть это и чувствовать красоту даже на кончиках пальцев.

Я улыбнулась мужчине, сидящему напротив меня, в глазах которого горел неподражаемый огонь, и сделала глоток лёгкого белого вина, которым мы балуем себя каждый день и не стесняемся делать это.

– Ты самая потрясающая, – проговаривает он и повторяет за мной, деля глоток вина. Мы смотрим друг на друга, и даже слова не нужны, чтобы понимать, что мы чувствуем и что, наверное, могли бы сказать. Но нам не нужно произносить это вслух – я вижу всё в его глазах и надеюсь, что Дэн также видит мои чувства в глазах и на лице и ощущает, как сильно я привязана к нему, как люблю, и что не представляю своей жизни без него.

Больше не представляю.

Иногда мне страшно от того, насколько я сейчас счастлива, но, наверное, правду говорят, что для того, чтобы что-то

приобрести, необходимо что-то потерять. Я была потерянной, раздавленной и разбитой до встречи с этим мужчиной. И вот, год спустя я наконец себя обрела, нашла в себе силы восстать из боли и разочарования, чтобы оказаться сильнее, мудрее и, видимо, счастливее, чем когда-либо была до этого. И это заслуга этого мужчины, только ему одному я обязана тем, что знаю, что такое настоящее счастье. Ведь до этого я была слепа и не подозревала, что собой представляют нормальные отношения: когда мужчина тебя любит и делает всё, чтобы ты была счастлива. В этих отношениях и я стала той, кто не боится принимать, кто не боится просить. Но с таким же рвением отдаёт часть себя любимому человеку, и мне больше не страшно делать это.

– Так не хочется уезжать, хотела бы я провести так всю нашу жизнь, – я поправила выбившиеся пряди за уши и отправила кусочек жареного сыра в рот, наслаждаясь вкусом натуральных продуктов, которыми мы не часто можем побаловать себя в современном мире.

– Жаль, что я могу подарить тебе лишь пару недель в таком уединении.

– О чем ты говоришь? Это просто волшебно, я бесконечно тебе благодарна за этот отпуск, – на моих губах застыла благодарная улыбка, в надежде, что Дэн понимает, насколько я действительно рада, что мы можем провести это время только вдвоём.

– Да, но только пару недель. Из-за графика мы не мо-

жем позволить себе большего, но я очень хотел бы уехать куда-нибудь на месяц или дольше и быть вдали от цивилизации. Только ты, я и океан.

– Звучит отлично, – я накрыла руку Дэна своей и сжала его пальцы, – но мне не важно, где, главное, что я хочу – это быть с тобой. В душном ли мы автобусе колесим между городами, сидим на берегу моря или ползём в горы, главное – быть с тобой, только тогда я счастлива.

– Я люблю тебя, – проговаривает мужчина одними губами, но я и так слышу его слова, моё сердце отзывается на каждую букву, произнесённую им, и бьётся сильнее лишь от одного его присутствия.

– И я люблю тебя.

Это наш последний вечер в Греции: уже завтра самолёт вернёт нас домой, в реальность, от которой мы хотели отдохнуть. Но чем ближе вылет, тем острее я ощущаю, что не насладилась отдыхом, что не хочу возвращаться и, несмотря на то, что наши отношения стали лишь крепче, я чувствую, что что-то не так. Нет, не между нами. Мой внутренний радар кричит о том, что скоро всё изменится, перевернётся с ног на голову. Я боюсь, что мой мир разрушится вновь. Возможно, это лишь осадок от этой неожиданной встречи с Бойлом, а, возможно, я слишком хорошо знаю, что беда не приходит лишь раз: он появится вновь, но уже не вернётся безоружным.

Странно было думать о Фабиане спустя столько времени,

но он всё не вылетал из моей головы, несмотря на попытки Дэна избавить меня от этих мыслей. Но когда я засыпала рядом с ним, то возвращалась к лицу Бойла в той подворотне и боялась этих воспоминаний. Он не выглядел проигравшим, он не выглядел, как человек, способный отпустить. Это меня пугало больше всего. Я не пойду с ним: уверена, ничто не заставит меня окунуться снова в этот омут с головой и пропасть там. Нет, я не совершу эту ошибку вновь. Один раз ради Бойла я разрушила то хорошее, что было у меня, но больше я не покалечу себя ради него. Я наконец счастлива, и даже второе пришествие не способно будет изменить моего решения никогда не видеть его.

– Ты сегодня особенно красива, даже прекраснее этого заката.

– Всё только для тебя: хочу, чтобы наш последний вечер был незабываемым, – улыбнулась я, поправляя волосы, нервничая, будто на первом свидании. Но Дэн заставляет моих бабочек в животе трепыхаться, и я по-прежнему не верю, что такой, как он, может быть рядом со мной. Поэтому, наверное, я так стремлюсь быть немного лучше, чем я есть на самом деле, наряжаться и краситься с особенной тщательностью для того, чтобы быть для него особенной, красивой, незабываемой. Именно поэтому для нашего последнего вечера в Греции я выбрала короткий белый комбинезон с маленькими фиолетовыми цветочками и оборками по краю шорт и на лямках, белые босоножки на каблуке, и неболь-

шой клатч, чтобы поместилась помада и телефон. И, конечно, я не забыла завить волосы в лёгкие кудри и накраситься так, чтобы выглядеть ещё привлекательнее для Дэна, хотя он и утверждает, что это лишнее, и я и так для него идеальна. Его словам легко верить, вот только мои комплексы всё ещё говорили куда громче его настойчивых фраз.

– Знаешь, за эти две недели я написал песню для тебя.

– Ты серьёзно? – мне показалось, что мой голос задрожал от этих слов.

– Конечно. Ведь ты стоишь миллиона песен, – Дэн рассмеялся и сжал мою руку в своей, отчего по телу прошёлся электрический тон.

– Никто никогда не делал ничего подобного для меня, – мне показалось, что я забыла, как дышать, даже от одного упоминания того, что он написал мне песню. Я чувствовала, как на щеках появился румянец, и я потупила взгляд, не решаясь посмотреть на Дэна. Если и можно было любить его сильнее, то это точно произошло.

– Я совершаю поступки, – начал тихо напевать Дэн так, что по моей коже вновь прошла дрожь от его голоса. Я боялась вслушиваться в слова, но они отзывались в моём сердце громче, чем в голове.

– Я далеко не хороший человек, и это правда,
но ты рядом со мной.

Есть что-то особенное в том,
что ты всегда видишь во всём только хорошее

и что всё ещё хочешь быть рядом со мной.

Я и не заметила, как по моим щекам покатались солёные капельки, оставляя следы на губах. Я чувствовала, как крепко пальцы Дэна сжимают мои, и не представляла, как жила раньше без этого мужчины. Мы совершали ошибки, мы жили разными жизнями, и у нас обоих было прошлое, но нам удалось выбраться из всего этого и обрести счастье в объятиях друг друга. Я нашла желанный покой.

– Это так красиво, – мой голос дрожал, вместе со всем телом, и я облизнула губы, на которых остался солёный вкус моих слёз.

– Ты моё вдохновение, Лис.

Мне больше не нужно было ничего говорить, я знала всё, что чувствую, и была уверена, что понимаю, какие чувства у Дэна ко мне. Нам не нужны громкие слова и признания, нам не нужна роскошь и официальность – мы есть друг у друга, и, если честно, мне этого вполне достаточно, чтобы быть абсолютно счастливой.

– Жаль, что нам пора ехать. По этой темноте мы доберёмся не раньше, чем через час, – Дэн поднялся со своего места и протянул мне руку, как делал это всегда. Я вложила всё ещё немного дрожащую ладошку в его.

Когда мы вышли из ресторана, вокруг было темно, едва ли пара фонарей горела в этом месте. Хорошо, что наша машина осталась единственной на небольшой парковке неподалё-

ку.

Вечером оказалось гораздо прохладнее, чем утром. Едва забравшись в машину, я повернула регулятор температуры и поёжилась от ущипнувшего меня холода.

– Замерзла? – улыбнулся Дэн, потирая мои обнажённые колени и настраивая навигатор для того, чтобы мы могли безопасно добраться до наших апартаментов в городе, который расстилался под нами, в самой низине гор.

– Сейчас согреюсь. Не думала, что так быстро похолодает. Едва стемнело, – я поднесла заочеченные в секунды пальцы к обогревателю и поморщилась от дрожи, что скользнула из-за перепада температуры.

– Горы тем и опасны: на самой вершине гораздо холоднее, чем внизу. Но я рад, что мы провели наш последний вечер в Греции именно здесь: потрясающий вид и великолепная ты – то, что было необходимо в конце незабываемого отпуска, – Дэн положил мою руку к себе на колено и крепко сжал. Он переключал коробку передач, и машина плавно двинулась по не освещённой фонарями дороге.

– Согласна с каждым твоим словом: ты и вид – лучшее завершение нашего первого совместного отпуска.

Дэн выжал газ, и машина быстрее двинулась по тёмной дороге. Я всматривалась в окно, но вокруг была лишь темнота. Странное место: ни одного фонаря. Я едва различала отбойники вдоль дороги, которые якобы должны были меня спасти от чего-то ужасного, что может случиться на подобной

дороге. Но я прекрасно знаю, что ни один отбойник не способен спасти жизнь. Ничто не помешает завершению твоего пути на этой земле, тем более какой-то металлический забор. Мою маму он не спас. Я отвернулась от окна, надеясь не возвращаться мысленно в Денвер, к тому месту, где всё связано лишь с моей болью и разочарованием. У меня совсем другая жизнь, и здесь я гораздо счастливее, чем была там.

Я посмотрела на красивый профиль Дэна: он был сосредоточен на дороге, хотя впереди не было видно почти ничего.

– Кажется, опускается туман, – решила нарушить странную тишину я, всматриваясь, как в свете противотуманных фар перед нами расстилается белое облако.

– Наверное, дорога займёт больше времени, – ответил он, даже не обернувшись на меня, но я была благодарна за то, что он ценит нашу безопасность больше, чем секундный взгляд на меня.

Я ощущала странное чувство спокойствия: мне не было страшно, я была в безопасности, и это, наверное, только это пугало меня. Никогда прежде мне не было так спокойно и легко рядом с человеком, я не доверяла никому так, как сейчас Дэну. Я знала, что этот мужчина никогда не допустит, чтобы мне было больно, плохо и чтобы я страдала. Он жертвует собой ради меня. Это невероятное чувство – знать, что кто-то так тобой дорожит. Надеюсь, что и Дэн знает, что я сделала бы для него тоже самое.

– Нам некуда торопиться, давай хотя бы послушаем музы-

ку, а то эта тишина немного напрягает, – улыбнулась я уголками губ и, не дожидаясь ответа, включила в своём телефоне плейлист. Из динамика полилась музыка, и я прикрыла глаза, вслушиваясь в слова и мелодию.

– Ты серьёзно? Будем слушать это?

Я резко открыла глаза и улыбнулась, слегка рассмеявшись встревоженному тону Дэна, но лишь сделала музыку погромче. В колонках играла его группа, а его голос проникал мне под кожу.

– Конечно, это моя любимая, – я снова откинулась в кресле, чуть поправляя ремень безопасности, и прикрыла глаза, – люблю твой голос. Вы потрясающие музыканты.

– Ты это говоришь, потому что встречаешься со мной, – фыркнул мужчина так, что я усмехнулась его тону.

– А ещё потому, что это правда. Или у вас не было бы столько поклонников и поклонниц, которые любят писать мне омерзительные личные сообщения, – рассмеялась я, удобнее забираясь с ногами в кресло, так и не открыв глаза. Я выровняла дыхание под темп музыки, будто соединяясь с ней, становясь сама музыкой и словами. Потрясающими словами, которые написал Дэн. Я знаю все его песни наизусть, но это не мешает мне каждый раз включать их и наслаждаться. Когда что-то любишь так сильно, то не можешь отказаться от удовольствия постоянно наслаждаться этим.

Наша машина плавно двигалась по дороге, из колонки лились песни, в которых я растворилась. Мне не нужно бы-

ло смотреть на Дэна, чтобы чувствовать его, мне достаточно было его голоса, что обволакивал меня и погружал в приятное ощущения спокойствия и безопасности. Мне показалось, что я задремала и погрузилась в сон: я видела перед собой улыбку мамы, то, как она гладит меня по волосам и шепчет на ухо, что я обязательно буду счастливой, когда встречу свою вторую половинку. Того человека, что будет способен разрушить все стены и воздвигнуть новые, но уже вокруг нас, чтобы ничто не разрушило эту связь между любящими людьми. Я улыбалась и верила, что именно так и будет.

Машину резко повело вправо, и я распахнула глаза, всматриваясь в темноту перед нами.

– Чёрт, – выругался Дэн и резко нажал на тормоз так, что меня выбросило вперёд, ударив о приборную панель головой и откинув назад, прижав ремнём безопасности. Голова немного закружилась, и мне показалось, что я не осознаю, что происходит. Но холодная рука Дэна коснулась моей щеки, и я посмотрела в его встревоженные глаза.

– Лис! Ты в порядке? – он был белый, будто увидел приведение, его рука на моей щеке дрожала, а губы немного посинели.

Я моргнула раз. Затем ещё.

– Что это было? – потёрла я лоб рукой.

– Показалось, будто кто-то вышел на дорогу. Я думал, что сбил его, – Дэн продолжал смотреть на меня, почти не моргая. Его слова звучали, будто вдалеке от меня, долетали, но я

не понимала их смысл.

Я посмотрела на пальцы, на которых остался красный след крови.

– Чёрт, я, кажется, разбила лоб, – я снова провела по лбу пальцами, на которых острее ощущала влагу и жжение, – с тобой всё в порядке?

– Да, я нормально, – Дэн отпрянул на несколько сантиметров, чтобы посмотреть на меня. Он выглядел так, будто видит меня в первый раз в жизни, осознавая только сейчас произошедшее, – прости, Лис.

– Всё в порядке, правда, – улыбнулась я, наконец приходя в себя и открывая бардачок в поисках влажных салфеток, чтобы вытереть руку от крови, – ты ни в чём не виноват. Такое случается на дороге, – я вытерла лоб и руки, смотря на всё ещё немного белого Дэна, и провела осторожно ладошкой по ещё щетинистой щеке.

– Всё действительно хорошо. Надо посмотреть, что это было, – я взялась за ручку двери и дёрнула на себя, но в это же мгновение почувствовала холодное прикосновение пальцев Дэна на своём локте и хлопнула дверью обратно.

– Я сам. Остайся здесь. Так будет лучше, – он снова становился собой, и я была благодарна за то, что он может так быстро прийти в себя и вновь стать защитником, рядом с которым мне нечего бояться.

– Спасибо, – проговорила я почти не слышно и благодарно улыбнулась, наклоняясь, чтобы поцеловать мужчину.

Мне нужно было ощутить его, почувствовать, что мы вместе и в безопасности. Его губы были холодными, и всё ещё немного дрожали, но они были самыми родными и любимыми сейчас. Наконец, я смогла немного усмирить всё ещё бешено бьющееся в груди сердце.

– Только включи дальний свет, – успел сказать Дэн перед тем, как выйти из машины в ночной туман. Я повернула ручку, включая дальний свет, и, едва дверь хлопнула, нажала блокировку дверей.

Именно так и начинаются все фильмы ужасов. Парочка едет со свидания, распалённые и влюблённые, жаждущие того, чтобы оказаться вдвоём где-нибудь подальше от ночной дороги, но они оказываются на туманной неосвещённой ночной дороге только вдвоём. А потом происходит это. Проколотое колесо. Попутчик или машина на аварийке. Потом кто-нибудь умирает, и обычно это мужчина, потому что девушка оказывается изнасилованной, но сумевшей убежать.

Я уже нарисовала себе сценарий самого ужасного фильма, что мог бы развернуться на этой дороге, и тяжело сглотнула, надеясь, что это лишь моё болезненное воображение, и сейчас Дэн вернётся, и мы поедem дальше. Может, это была лишь белочка или зайчик.

Я всматривалась в темноту, надеясь разглядеть хоть что-то, но правда была в том, что, кроме тумана и ночи, я не видела ничего. Показалось, что прошла целая вечность, прежде чем резкий стук в стекло напугал меня так, что я вздрогнула

и на автомате нажала кнопку разблокировки двери. Я надеялась, что это Дэн.

– У тебя есть фонарик? – раздался голос рядом со мной, и я поняла, что приведения существуют. Призраки прошлого преследуют тебя по жизни, и никуда не скрыться, не бежать – они всегда буду следовать по пятам за тобой. Я повернула голову, встречаясь с тёмными глазами мужчины, что прожигали во мне дыру.

– Фонарик, Алиса, – прикрикнул Бойл, выводя меня из оцепенения. Я не знаю, что делаю, но протягиваю ему телефон, включая дрожащими пальцами фонарик. Я не успеваю ничего сказать или сделать, как дверь хлопает возле меня, и я снова оказываюсь одна в машине, но уже не чувствуя ни спокойствия, но того, что я в безопасности. Кажется, мир снова начал меняться слишком быстро, и я не готова была к тому, что будет происходить. Я закрыла глаза в надежде, что это мне только приснилось, стараясь выровнять дыхание. Я представляла себе, что это лишь вино говорит во мне, и мне мерещится то, чего не происходит на самом деле. Я сглотнула в надежде проснуться от этого кошмарного сна. Ведь это гораздо хуже, чем любой ужастик, это мой собственный ад, в который я надеялась больше никогда не попасть. Я жила в нем год назад и больше не хочу в этот котёл из моих неосуществимых желаний.

Дверь хлопнула, и я распахнула глаза, оборачиваясь на того, кто сел рядом со мной. Надеюсь, что я проснулась, и это

Дэн. Тот, кто и должен быть рядом со мной.

– Лис, – позвал меня Дэн, будто пробуя на вкус моё имя, – нам надо ему помочь. Ты как? – Дэн обернулся ко мне, всматриваясь в глаза, надеясь найти там ответ, но я не понимала, о чём он вообще говорит. Я продолжала часто моргать, пытаюсь проснуться ото сна, в который попала: в свой самый страшный кошмар.

Видимо, найдя какой-то только ему ведомый ответ, Дэн отвернулся и взялся за ручку двери, собираясь снова покинуть нашу безопасную гавань и сделать то, о чём мы, возможно, очень скоро пожалеем.

– Стой! – крикнула я громче, чем хотела, так что рука Дэна дрогнула, и он убрал её от двери.

– Лис, нам надо ему помочь. Мы не можем бросить его на дороге, – настойчивее заговорил Дэн, смотря на меня, но уже приняв решение, на которое я, видимо, уже не могла повлиять.

– Кому? О чём ты говоришь? Так никого нет, – я закрутила головой, стараясь отогнать это наваждение.

– Ты сильно ударилась головой, тебе лучше прилечь на заднем сиденье, Лис, – Дэн выглядел чуть более встревоженным и посмотрел на мой рассечённый лоб, видимо, понимая, почему я говорю такие вещи, хотя для меня всё это было вполне нормальным. Я же во сне, это просто кошмар, и мне необходимо проснуться.

– Лис, мы чуть не сбили Фабиана. У него заглохла маши-

на, аккумулятор совсем сдох. Нам надо ему помочь и добросить до города.

Мне кажется, я слышала, что он что-то говорит, но не вполне понимала смысл сказанных слов. Мы ведь непонятно где, в другой стране, и мы встречаем мужчину, которого я не хотела бы видеть нигде и никогда в жизни, и уж точно не на туманной ночной дороге. Нет, так просто не бывает. Это точно не просто так, именно так и начинается наш фильм ужасов. Фабиан может выкинуть всё, что угодно, даже в моём сне он может испортить мне жизнь.

– Нет, – сказала я громче, чем хотела, и посмотрела на Дэна, вглядываясь в его голубые глаза и ища там понимания.

– Лис, уже почти полночь, мы на пустой дороге, здесь никто не ездит. Он может прождать до самого утра. Мы не можем его здесь бросить, – Дэн говорил вполне убедительно и, если бы это был другой человек, любой человек, знакомый и нет, я бы, конечно, взялась помочь ему. Но только не Фабиану Лину Бойлу. Я желаю ему замёрзнуть здесь насмерть и исчезнуть с лица земли, чтобы не приходил ко мне ни в реальности, ни во сне.

– Мы не можем посадить его в машину, – выпрямляюсь я на сиденье, – только пару дней назад ты сам предупреждал его держаться от нас подальше, а теперь хочешь посадить его к нам в машину? – я не верила тому, что эта мысль вообще пришла в голову Дэна. Не верила, что он может на полном

серьёзе хотеть помочь тому человеку, что разрушил меня. Уничтожил.

Если это сон, то я должна просто не дать ему сесть в машину, и мы продолжим путешествие в наше счастливое будущее. Если же это отвратительная реальность, то я тем более не должна допускать того, чтобы Бойл сел в эту машину и снова вторгся в мою жизнь, когда я к этому меньше всего готова. Хотя я думаю, что никогда не буду готова к тому, чтобы он появился в моей жизни, уже слишком поздно.

– Лис, посмотри на меня, – Дэн поднял моё лицо, прикасаясь двумя пальцами к подбородку и касаясь губами кончика носа, – мы не такие, чтобы бросить человека в беде. Это случайность, он же не виноват в том, что ему дали такую машину. Мы просто доведём его до города и больше никогда не увидим в будущем. Но я буду чувствовать себя виноватым, если мы просто уедем сейчас.

– Это не случайность, как ты не понимаешь, – захныкала я, смотря на Дэна и кусая губы, боясь того, что будет дальше, – он дьявол. Он всё это подстроил и играет с твоей добротой. Мы не должны поддаваться, давай просто уедем, – мне показалось, что я уже умоляю Дэна. Хотя и была уверена, что мой мужчина никогда не смог бы так поступить. Он верит, что не бывает настолько плохих людей, не может кто-то подстроить такую случайность, чтобы ночью встретиться с нами на пустой дороге.

– Это будет на его совести. Ты со мной, я никому не отдам

тебя. Но и не уеду отсюда без него, – принял решение Дэн, несмотря на мои слова, и маленькая часть меня была ему благодарна за принятие такого решения. Думаю, я тоже сожалела бы, если бы мы не помогли Бойлу, но совсем маленькая часть и, наверное, совсем недолго. Но Дэн лучше меня, лучше Фабиана, и вообще он такой один в целом мире. Поэтому я с ним, только рядом с ним я чувствую себя намного лучше, чем я есть на самом деле.

Дэн вышел из машины, хлопая дверью и оставляя меня в тишине для того, чтобы я приготовилась к встрече со своим прошлым, к дьяволу, который умеет лишь причинять боль и ничего больше. Он лжец, и мне не стоит верить ни единому слову, что произнесёт Фабиан. Дэн прав, я рядом с ним, он не позволит Бойлу сказать что-то лишнее. Я попыталась выровнять дыхание, но чем ближе я ощущала присутствие Фабиана, тем более нервным и неровным оказывалось моё сердцебиение, дыхание сбилось, и я боялась того, что всё это – реальность. Лучше бы я уже была в аду, это значило бы, что я просто не могу ничего изменить, и мне надо смириться. В реальности же я хочу изменить, но что-то мне мешает.

– Спасибо за фонарик, – с левой стороны показалась рука с моим телефоном, так что я резко вырываю его, не оборачиваясь, и сглатываю. Он слишком близко ко мне, – и спасибо, что подбросите меня. Без вас я бы ждал до самого утра.

– Да пустяки, только пристегнись, – я видела, как Дэн обернулся к Бойлу, сидящему позади меня, и не отвернулся,

пока не щёлкнул замок ремня безопасности.

Хотя лучше бы он не пристегнулся, тогда мы могли бы сыграть в несчастный случай, и Бойл бы вылетел в лобовое стекло. А мы бы уехали с места преступления, и никто никогда не узнал, что это сделали мы, именно мы избавили мир от чистого зла.

Я чувствовала его присутствие, моё тело слишком остро реагировало на то, что он сидит сзади меня, что я могу слышать его дыхание, и самое ужасное – как бьётся его сердце. Этот звук долетал бы до меня даже через океан, слишком сильно я раньше любила его, чтобы можно было легко избавиться от этого чувства. Волоски на моем затылке встали дыбом от одного знания того, что мы находимся совсем рядом в замкнутом пространстве, и я не могу сбежать отсюда, потому что бежать некуда. Машина погрузилась в напряжённую тишину, такую, что давит на нервы, и слышно даже, как мы дышим. Я всматривалась в темноту в окне, потому что боялась того, что могу снова увидеть его глаза в зеркале и тогда могу перестать дышать. Нет, я не люблю его.

Это я внушала себе целый год. 365 дней я лечилась от самой опасной болезни в этом мире – болезни, чьё имя Фабиан Лин Бойл. И вот, спустя год интенсивной терапии я могла бы с гордостью сказать, что всё прошло: я больше не больна. Но правда в том, что я не уверена, что излечилась безвозвратно. Особенно сейчас, когда он рядом, мне невыносимо больно, почти так же, как было в день, когда мы прощались

в аэропорту. Может, невозможно выгнать его из моего сердца?

Я посмотрела на сосредоточенного на дороге Дэна. Нет, я не люблю Бойла. Рядом со мной есть мужчина, к которому я чувствую любовь, который заботится обо мне и делает счастливой. Любовь – это не боль и страдания, это не предательство и ложь. Любовь – это когда ты полностью доверяешь человеку и принимаешь его таким, какой он есть. Находясь рядом с Дэном, я не уверена, что на самом деле когда-то испытывала к Фабиану именно любовь. Это была больная привязанность, наркотик, с которого я не могла слезть. Я осторожно приподняла руку, чтобы положить её на колено Дэна и почувствовать то, что он рядом со мной, мы всё ещё вместе, и так будет всегда.

– Как ваш отпуск, ребята? – нарушил тишину Бойл так, что я вздрогнула от неожиданности и вернула руку на своё колено.

– Всё отлично, – бросил, не оборачиваясь, Дэн так небрежно, будто беседует со старым приятелем, а не моим бывшим. Если Фабиана можно назвать этим словом, ведь мы на самом деле никогда и не были вместе в полном смысле этого слова.

– Надеюсь, я не сильно нарушил ваши планы?

Я не удержалась и бросила взгляд в зеркало, чтобы посмотреть на Бойла, и я чётко осознала, что зря это сделала. На его лице застыла надменная улыбка победителя, а в чёр-

ных глазах горел огонь дьявола: тот, который горит от ощущения своего превосходства, от того, что знаешь, что победил в войне, а не просто в битве. Я не была уверена в том, почему он чувствует это, почему я вижу именно это на его красивом лице, но мне становилось страшно от ощущения его возможной победы. Так улыбается Джокер: с осязаемым безумием.

– Нет, мы уже возвращаемся. Завтра улетаем домой, – снова бросает Дэн, зачем-то рассказывая Бойлу все наши планы, и это меня немного злит. Нет, не немного. Меня сильно задевает, что он легко может поделиться подробностями нашей жизни с на самом деле едва знакомым человеком, с тем, который не должен знать наши планы. Я щиплю Дэна за коленку, бросая на него злой взгляд, на что мой мужчина даже не обращает внимания, всё ещё сосредотачиваясь на дороге и громких словах навигатора.

– Путь до Сиднея, наверное, не близкий, – говорит между делом Бойл, давая понять, что знает о нашей жизни всё. Вот только я уверена, что он знает куда меньше, чем думает. Я усмехаюсь его узким познаниям в моей жизни и даже немного расслабляюсь. Он не следил за мной, и, возможно, это правда всего лишь случайность. Фабиан всегда умел много говорить, но очень мало делать, его поступки никогда не говорили громче слов. Поэтому нам невозможно было построить какое-то светлое будущее. Слова должны иметь под собой почву из поступков, но для Бойла это не так.

– До Сиднея, наверное, не близкий. Но мы летим домой, в Вегас, – снова выдаёт всё на одном дыхании Дэн, даже не замечая того, что на моём лице написано нежелание распространяться о нашей личной жизни. Я вижу в зеркале, как сверкнули глаза Бойла, и он скользнул взглядом по мне так, что внутри меня прошёл электрический заряд. Я громко сглотнула, так и не решаясь произнести ни слова.

– Не думал, что ты вернёшься в Штаты, малышка, – произносит Бойл, не обращая внимания на присутствие Дэна в машине, и от его слов я сжимаюсь.

Очень давно никто не называл меня «малышкой», эти такие неправильные слова будят во мне ещё более неверные воспоминания. Те, от которых я не должна растекаться лужицей, но я помню, как мне порой было хорошо с Бойлом, особенно когда он с придыханием называл меня «малышкой» и погружался в меня, объединяя нас в единое целое. Я прикрыла глаза в надежде отогнать эти воспоминания, но заметила, что Бойл увидел на моём лице то, что я вспомнила, и от этого мне становилось ещё противнее.

– Фабиан, – резко начал Дэн, сжимая руль пальцами так, что костяшки побелели, – мы помогаем тебе. Но лучше тебе заткнуться, иначе я высажу тебя на дороге, и будешь добираться, как хочешь. Она тебе не малышка, не милая, не Али и не Лис. Её зовут Алиса, но тебе лучше называть её мисс Грин. А лучше вообще не обращай к ней, – зло проговорил Дэн, и я победно улыбнулась, не смотря на Бойла. У ме-

ня есть тот, кто будет меня защищать, есть тот, кто не даст Бойлу снова влезть ко мне в душу и сердце.

– Ты босс, – Фабиан поднял руки вверх, признавая своё поражение, но я-то знала, что он никогда не сдаётся. Нет, это он так пускает пыль в глаза.

Мы добрались до города в тишине. Больше никто не нарушал наше молчание своими едкими фразами и вопросами. Лишь редкие слова навигатора дарили ощущения того, что в этой машине всё ещё есть жизнь. Хотя её вовсе не было.

Машина резко затормозила возле какой-то гостиницы.

– Твоя остановка, – Дэн наконец обернулся к Бойлу и метнул в его сторону молнию, – тебе пора.

– Спасибо вам ещё раз, – Бойл взялся за ручку двери машины, не решаясь её открыть, я знала, что он хочет, чтобы я посмотрела на него, чтобы увидела в его глазах то, что нельзя сказать слух. Вот только я тоже знала, что он хочет этого, и именно поэтому не стала делать, лишь уставилась перед собой, стараясь дышать по счёту, чтобы не сбиться.

– Надеюсь, скоро увидимся, – он открыл дверь, вылезая из нашей машины и ловя в зеркале мой взгляд, который я не хотела бросать на него, но всё-таки не смогла удержаться от этой слабости.

– Уверен, это не случится. Я позабочусь об этом, – бросает в закрывающуюся дверь Дэн, и мы резко стартуем с места, едва я слышу, как дверь хлопает.

– Ты была права. Нам не стоило ему помогать. Он, ко-

нечно, редкостный ублюдок, – злится Дэн, и я понимаю его ярость. Но ведь я предупреждала, я говорила, что альтруизм не применим к Бойлу, и лучше нам держаться от него подальше, потому что он точно не сделает этого для нас. Я не стала говорить этого Дэну, он достаточно себя винит, и не стоит подливать масло в огонь.

Но, что бы ни произошло, что бы Дэн ни говорил и ни чувствовал, я хорошо знаю Бойла для того, чтобы понимать, что шансов на то, что его слова сбудутся, гораздо больше, чем на то, что мы действительно больше никогда в жизни не увидимся. Как бы я ни старалась, мне не сбежать от прошлого, которое так упорно гонится за мной и уже наступает на пятки. Рано или поздно придётся обернуться и посмотреть ему прямо в глаза. Но я сделаю всё, чтобы оттянуть этот момент, мне нужно время, чтобы подготовиться к решающей схватке с демоном из моего прошлого.

Глава 3

– Я не слишком вырядилась?

Я вышла из спальни, ища глазами по комнате Дэна, который спокойно сидел на диване с книгой в руках и маленькими очками на переносице. Мужчина медленно отрывает голову от книги, и голубые глаза касаются меня, и по телу пробегает дрожь, а я чувствую, что начинаю краснеть. Этот взгляд нередко заставляет нас оставить все планы, бросить друзей в каком-нибудь баре и остаться только вдвоём.

– Как рок-звезда, – улыбнулся он и вернулся к своей книге.

– Посмотри внимательнее: не слишком небрежно? Или, может, наоборот, я перестаралась? – я нервно переминаюсь на высоких каблуках своих замшевых босоножек и опускаю взгляд на почти полностью обнажённые ноги, которые едва были прикрыты чёрными шортами, а то, что они сшиты из шёлка, нисколько не придаёт им более сдержанный характер. Они были слишком откровенно короткие, обтягивали меня сзади, не оставляя пространства для фантазии. Но почему-то мне нравилось, как они смотрятся сейчас на мне. Чёрный цвет выгодно подчёркивает ещё не сошедший загар после отпуска, а ткань ласкает кожу, будто шорты сшиты специально для меня.

– Это всего лишь концерт, не стоит слишком наряжать-

ся, – бросает Дэн, даже не посмотрев на меня и, видимо, пытаясь сделать вид, что очень увлечён книгой.

– Это не просто концерт, – я показываю ему язык, – может всё же переодеться?

Я подхожу к Дэну и сажусь рядом с ним, заглядывая в книгу, пытаюсь понять, почему сейчас она интереснее для него, чем я, но не понимаю ни слова в прочитанном. Это не просто очередная книга, а какой-то учебник, один из тех, что я постоянно нахожу у себя дома, хотя у Дэна есть собственная квартира. Правда, в ней он бывает гораздо реже, чем в моей, хотя она и находится от моей всего через лестничный пролёт.

– Не стоит, ты выглядишь отлично. Хотя я и предпочёл бы, чтобы ты была голая большую часть дня, – он отрывается от книги, чтобы скользнуть по мне взглядом, от которого моё смущение возрастает, и я непроизвольно отодвигаюсь от него. Нам точно не стоит начинать подобные разговоры, когда меньше, чем через пару часов ему играть на концерте свои проникновенные песни.

– Твои поклонницы противоположного мнения, – парирую я и одёргиваю ниже свой кроп-топ на тонких бретелях, стараясь спрятать голый участок живота, но когда я прячу живот, из крошечного топа пытается выскользнуть грудь. Пальцы касаются тонкого кружева, обрамляющего топ, и краем глаза я замечаю, как Дэн снимает очки, откладывает книгу, наблюдая за моими движениями.

– Даже не думай, нам уже выходить через пару минут, –

качаю головой я, пытаюсь встать с дивана и отойти от мужчины на безопасное расстояние. Его эротическое настроение может быстро перескочить на меня, и боюсь, что я уже не буду такой сдержанной, как он в эти минуты.

Но прежде, чем я успеваю подняться с места, Дэн хватается меня за руку и толкает на себя так, что я оказываюсь на его коленях, прижатой руками, обвитыми вокруг талии. Его голубые глаза разжигают во мне вожделение, и я с трудом сглаживаю, понимая, что лишаясь возможности говорить, когда он так близко ко мне.

– Думаю и всегда буду думать. А поклонницы могут засунуть своё мнение подальше. Я люблю тебя, а всё остальное не должно тебя волновать, – мужчина касается моего носа губами, и я не могу не улыбнуться такому простому знаку внимания, но именно благодаря этому, я чувствую себя нужной и любимой.

– То есть мне не переодеться? Я могу найти что-то более подходящее.

– Всё отлично, это рок-концерт, а не бал дебютанток, – улыбается он в ответ и отпускает меня, шлёпая по попе, едва я поднимаюсь с его коленей.

– Но это же благотворительный концерт, и банкет же всё равно будет, – снова парирую я, уже почти решившись на то, чтобы переодеться и не шокировать молодёжь своим слишком откровенным нарядом.

– Ну, ты же девушка рок-звезды, ты должна быть такой,

чтобы тебя хотели, но не могли получить. В этом наряде ты именно такая.

Дэн, наконец, сам приподнимается с дивана, но лишь для того, чтобы достать свои старые кеды и снова сесть на любимое место, чтобы собраться на свой же концерт. А ведь я готовилась к нему дольше, чем мой мужчина. Тщательный выбор наряда, нанесение макияжа и причёска – всё для того, чтобы соответствовать ему и этому событию. Мы не так часто выбираемся в люди вдвоём, чтобы иметь богатый опыт в выборе соответствующего наряда. Хотя Дэн и вовсе не напрягался с выбором: чёрные джинсы, чёрная футболка и кеды. Это всё его стандартный набор для выступления. В отличие от меня, он не считает, что одежда может определять человека, главное то, что делает его уникальным. А это музыка, которая создаётся этим мужчиной и его командой.

За всё время, что мы вместе, я по-настоящему стала дышать его песнями и не представляю, что они могут не нравиться. Хотя это и не так: его обожают, и на концертах всегда распроданы билеты. Их альбом стал самым продаваемым в стране в прошлом году, а сейчас они записывают второй, и я знаю, что он не менее запоминающийся и восхищающий, а возможно и более, потому что многие песни написаны для меня, и я одна слышала их в оригинальном исполнении мужчины, которого я люблю.

– Голубки, пора выезжать.

Раздался громкий крик из-за двери, и вслед за ним послы-

шался безумный стук, так что на мгновение я испугалась, что её выбьют. Но на самом деле этого не произойдёт, это Роб так привлекает внимание. Барабанщик группы, Роб Хартли, самый громкий и непредсказуемый, наверное поэтому нам с ним так легко ладить, и именно с ним первым у меня появилась ниточка связи, что теперь уже, надеюсь, не разорвётся. Именно его я смогла назвать другом, способным выслушать и, когда надо, посочувствовать, а когда необходимо, и насмешить, и взбодрить своими странными шутками.

– Уже идём, – крикнул в ответ Дэн. Он уже подошёл к входной двери, чтобы распахнуть её, мои пальцы сомкнулись вокруг его запястья, и я потянула его к себе.

– Подожди, – я взглянула в светлые глаза мужчины, снова испытывая то чувство, будто паришь в облаках: вдохновение и лёгкость, – я люблю тебя. Ты самый лучший мужчина, и сегодня ты сделаешь сотни молодых людей очень счастливыми. Я горжусь тобой.

На его лице замерла благодарная улыбка, но мне не нужно было этого. Единственное вознаграждение – это то, что он рядом, и я по-настоящему в безопасности рядом с ним.

Мы вышли в коридор, держась за руки. Но ничего не изменилось. Наша реальность в стенах моей квартиры и та, что за ней – это один мир. Я больше не разделяю миры. Мой один мир сейчас рядом со мной.

Мне особенно нравится наблюдать за тем, как группа готовится к выступлению. Я ощущаю трепет от своей причаст-

ности к этому. Конечно, моя роль незначительна, чаще всего – вообще незаметна, но это нисколько не мешает мне ощущать себя частью большой семьи. Даже не просто чувствовать, а быть её частью, жить одной жизнью на всех и при этом не чувствовать себя ущемлённой. Возможно, благодаря группе и Дэну, я смогла снова ощутить себя, как дома.

После смерти мамы для меня пропало понятие семьи и дома. Но сейчас я вновь понимаю, каково это, и осознаю, чего мне так не хватало всё это время, по чему я тосковала долгие 10 лет.

Сейчас, стоя перед сценой, как и зрители, наслаждаясь музыкой в зале, а не за сценой, я особенно остро чувствую себя благодарной за то, что мне посчастливилось встретить этих невероятно талантливых людей. Я люблю каждого в этой группе по-своему и уже не смогла бы представить свою жизнь без них.

В зале около 300 человек, все ребята – воспитанники детских домов, которым помогает фонд, основанный группой. Раз в год они дают концерты, чтобы немного подбодрить ребят, а также, чтобы познакомиться, и, возможно, для кого-то стать важной частью жизни и вдохновением для совершенных. Для меня это первый подобный опыт, но я так много слышала об этом мероприятии от Дэна и так готовилась, что мне кажется, что я уже миллионы раз была на подобных концертах, где особенно остро чувствуется дружественная обстановка.

Я послала воздушный поцелуй поющему у самого края сцены Дэну, прикрывая глаза, впитывая в себя слова его песни, которую он когда-то написал именно для меня.

– Мы не ложимся спать допоздна,
чтобы соединить созвездия,
мы живём с печалью от ран нашего прошлого,
но сейчас время нашей любви и жизни,
это наши надежды.
Мы не ложимся спать допоздна,
чтобы жить сегодня,
это наша цель.

Я вслушиваюсь в заученные слова, которые крутятся в моей голове, покачиваясь в ритм мелодии, которая растекается по венам, оставляя сладкий привкус в моём теле. Так ощущается любовь к этому мужчине.

– Красивая мелодия, – вырывает меня голос у самого уха так, что глаза распахиваются, и я не верю в стальные нотки такого знакомого и ненавистного голоса. Я слишком давно не слышала его и не ощущала на себе этот холод, чтобы сейчас снова рухнуть в ледяной колодець своих воспоминаний. Нет, это не может быть снова реальностью.

Я медленно поворачиваюсь к обладателю этого голоса, и пусть в темноте сложно различить черты лица, но я и так слишком хорошо знаю их. Они высечены в моей памяти вместе с холодным голосом и переменчивой натурой.

По её красивому лицу скользят лучи прожекторов, то скрывая от меня идеальные черты её лица, то подсвечивая и заставляя меня ещё больше сомневаться в собственных изменениях и своих достижениях. Не стоит признавать того, что я восхищена была этой женщиной с самого первого дня, с того самого, как я увидела её в Париже. Мне не нужно было говорить с собой, чтобы знать правду о том, что я внутренне всегда хотела быть на неё немного похожей. Всегда стремилась хотя бы подавать себя так, как она. Наверное поэтому я так остро реагирую на её появление в моей жизни. Ещё ни одна наша встреча не была для меня приятной и не заканчивалась бы моими слезами. Она удивительным образом переворачивает мой мир с ног на голову, лишь посмотрев на меня и не произнося многозначительных слов. Даже простого приветствия достаточно, чтобы я потерялась в собственных ощущениях, в собственной уверенности и снова стала закомплексованной девочкой с прыщами и лишним весом, какой и была всегда. Моё прошлое точно не изменить, как бы я не старалась.

– И слова не плохие, – произносит она чуть громче, чтобы я услышала сквозь шум толпы и самого голоса Дэна на сцене. Возможно, если бы такая женщина сказала комплимент Дэну в лицо, это изменило бы его на одну ночь точно, но она говорит это мне и знает, что может раскачать лодку моих сомнений на водной глади счастливой жизни с любимым мужчиной.

– Наслаждайся музыкой, – почти кричу я со злостью, о которой даже не догадывалась. Но эта женщина умеет вывести меня на эмоции, в этом я не сомневаюсь нисколько.

Я разворачиваюсь на каблуках не в силах смотреть на идеальное лицо, стараясь изгнать не только из поля зрения её образ, но и из памяти, где он уже останется.

Не успеваю сделать и шага в сторону, как холодные пальцы сжимаются на моем запястье, и я чувствую, как меня с силой тянут назад, не давая возможности убежать подальше от этого кошмара. Мне не нужны такие люди в жизни, я никогда не хотела встречаться с демонами моего прошлого, которым и является для меня Ирэн. Я резко оборачиваюсь на неё, видя совсем не ту женщину, что предстала передо мной сейчас. А ту, что целовала моего любимого мужчину на вилле в Испании, которую он купил в память обо мне. Я снова вспоминаю, как она целовала всё того же мужчину под лестницей в замке, о котором мечтает каждая девочка, чтобы именно в этом месте выйти замуж, а никак не разбить своё сердце на тысячи мелких осколков. Это всё происходило со мной, и Ирэн была частью той жизни, где я была несчастна. По какой бы причине она сейчас не стояла передо мной, я точно не хочу знать её, и единственным моим желанием сейчас является желание бежать как можно дальше и навсегда вычеркнуть даже возможность встретиться с ней вновь.

– Я хочу поговорить, – резко кричит она и дёргает меня

за собой, стараясь провести сквозь разгорячившихся ребят вокруг, дружно выкрикивающих слова песни, которые и я знаю наизусть и с радостью послушала бы вместо того, чтобы плестись за женщиной, которую не выношу.

Но, если быть откровенной, мне уже было интересно, зачем такой, как она, понадобилась такая, как я. Мы не виделись больше года, наши жизни отличаются, как день и ночь, и единственное связующее звено между нами я навсегда вычеркнула из своей жизни, а значит, вместе с ним должна была исчезнуть и она. Но почему-то Ирэн тянет меня за руку, выводя в пустынный холл. Она останавливается посередине коридора, и, наконец, отпускает мою руку.

Мы молчим, я лишь наблюдаю за тем, как она озирается по сторонам, проверяя, нет ли кого-то поблизости, и может ли она начать говорить. Я тем временем могу лишь изучать её изменившееся со временем лицо. Но она не так и сильно изменилась, чтобы я заметила различия. Лишь снова новая причёска: теперь у неё короткие белые волосы, подстриженные пикси, делающие её черты лица более острыми. И почему-то в голове крутится, что это делает её ещё больше француженкой, чем раньше. На ней почти нет макияжа, и это создаёт видимость того, что она немного моложе, чем я запомнила. Даже обтягивающие чёрные джинсы, белая шёлковая рубашка и красные лаковые туфли на шпильке делают её какой-то близкой к реальным людям, не такой недостижимой, какой она была для меня всегда. Я гналась за тем, что-

бы быть такой же, как она, хотела быть достойной Бойла, как была когда-то Ирэн. Но лишь со временем смогла понять, что мне никогда не стать ею, как бы я не старалась. Наверняка, её образ в моей голове больше выдуманный, чем является реальный, и это заставляет меня сейчас смотреть на неё с большим нетерпением.

– Я жду, – скрещиваю на груди руки, стараясь защититься, мои плечи напряжены, и она точно видит это. Я замечаю, как по её губам скользит незаметная улыбка. Она понимает, что она всё ещё имеет некоторое превосходство надо мной.

– Я здесь с Фабианом, – она выговаривает слова медленно, делая большие паузы между ними, чтобы каждое слово закрепилось в моей голове, и следя за тем, что отражается на моём лице. Не знаю, что она видит, потому что не хочу показывать свои эмоции, ведь они заперты достаточно глубоко, чтобы ни один человек не смог никогда их вытащить и снова вдоволь насладиться моей болью.

– Поздравляю, – только и могу выговорить я, делая шаг назад, увеличивая расстояние между нами. Даже слова о Бойле приносят мне дискомфорт, что уж говорить о его реальном физическом присутствии. Мне показалось, что он будто встал между нами. Я и раньше не была поклонницей Ирэн Бошан, что уж говорить о моих эмоциях сейчас. Лишь удивляюсь тому, как Фабиан быстро успевает менять своё настроение. А ведь всего месяц назад он требовал, чтобы я была с ним для моей безопасности. Видимо, я уже в безопас-

ности, особенно когда держусь от него подальше.

– Ты стала третьей в его гареме? Впрочем, ваши отношения с его женой никогда не были здоровыми, так что ты меня не удивила. Только зачем мне эта информация? – мне кажется, мой голос немного дрожит, когда я говорю, но надеюсь, это заметно лишь мне одной. Не хотела бы, чтобы эта женщина знала о том, что я испытываю на самом деле.

– Фабиан больше не женат. И мы просто друзья, – её голос холодный, её слова вколачиваются в меня невыносимой болью, отдающей не только в сердце, но и, кажется, где-то ниже живота. Думаю, там находится моя душа, которая теряла любую связь с телом от этих признаний, которые я совсем не хотела слышать.

Мы молчим несколько секунд, смотря пристально друг на друга. Не знаю, что она хотела услышать, и зачем вообще доносить эту информацию до меня. Мне должно было наплевать на Фабиана Бойла и его женщин. Должно, просто обязано быть всё равно. Эта мысль крутится в голове, пока я смотрю на Ирэн и пытаюсь понять, зачем она здесь и что хочет после сказанных слов. Она никогда не была со мной мила, никогда не желала мне добра и появлялась в моей жизни, лишь чтобы разрушить тщательно собранные осколки, в погоне за своим счастьем рядом с мужчиной, которого любила я. Но это время ушло, я больше не играю в эти игры. Там, за дверью, другой мужчина, и его я люблю. Он сделал меня свободной, раскованной и подарил ощущение безопасности.

Мне не нужны проблемы и ужас рядом с Бойлом, я хочу спокойствия рядом с Дэном. Он теперь – моя жизнь.

– Зачем ты это говоришь? Ты вдруг стала доброй? – бросаю вызов ей я, не отпуская взглядом её ледяные глаза, которые пытаются пробиться сквозь мою стену, что я построила, чтобы такие, как она не смогли сделать мне больно так же просто, как это было раньше.

– Не к тебе, оленьи глазки, – на её лице появляется знакомая мне усмешка, и Ирэн за считанные секунды сокращает расстояние между нами. Я чувствую касание холодных намятированных пальчиков к своему подбородку так, что по всему телу пробегает дрожь от этого неприятного прикосновения. Вот она настоящая, такой я её запомнила, и именно эту женщину я боюсь, но и восхищаюсь ею.

– Хочу, чтобы ты знала, что это ничего не меняет. Фабиан не для тебя и никогда не будет для тебя. Запомни, оленьи глазки: такой, как он, никогда не будет с тобой. Даже не пытайся вернуться в его жизнь. Иначе твоё бедное сердечко снова будет разбито. А ты этого не переживёшь, малышка, – зло скалится она, а я против своей воли громко сглатываю, показывая свой страх. Хотя я не боюсь на самом деле, скорее её образ вселяет в меня ужас от восхищения. Никогда мне не быть такой же уверенной, как она.

Мне удаётся всё же взять себя в руки и оторваться от её голубых глаз, и вырваться из холодных рук, чтобы снова почувствовать себя живой, а не в царстве снежной королевы.

– Мне не нужен Фабиан, так что оставь себе такой подарок судьбы, – я снова делаю шаг назад, стараясь вырваться из этого ужасного сна. До меня доносится музыка, и откуда-то издалека долетают слова, что я раньше не слышала.

Меня больше не волнуют Ирэн и Бойл, не беспокоит происходящее несколькими минутами раньше. Я прислушиваюсь к словам Дэна, которые слышны в холле. Он далеко, но возвращает меня к себе, в нашу жизнь, и я чувствую любовь к нему ещё ярче в каждом миллиметре своего тела.

– Друзья, – начинает он, когда музыку делают чуть тише, чтобы не мешать его речи, – я был одинок и несчастен. В моей жизни была чёрная полоса. Уверен, вы все чувствовали себя подобным образом. Глубокая депрессия и нежелание подниматься с кровати – вот чем я жил долгие месяцы. Не верится, что подобное было в моей жизни, но я счастлив, что сейчас могу поделиться этим с вами, – я слышу, как разрывается его голос и становится ещё чуть тише, интимнее. Я раньше не слышала, чтобы Дэн произносил что-то подобное на концерте, поэтому делаю несколько шагов к двери, прислушиваясь. Я не хочу входить в зал и портить атмосферу, возможно, я помешаю этому соединению ребят в зале и группы на сцене. Но не могу не пытаться впитать в себя каждое произнесённое им слово.

– Я обратился к специалисту, потому что хотел выбраться из тьмы. Он давал мне советы, помогал справиться с собственными демонами. И когда я уже почти был готов вы-

браться из мрака, в мою жизнь вошёл свет. Она перевернула всю мою жизнь. Никто не делал ничего подобного для меня раньше. Но просто находясь рядом с ней, я становился лучше и сам не заметил, как влюбился в жизнь.

Я приблизилась к двери вплотную. Моя рука замерла на ручке, не решаясь сделать последнее движение, и снова стать с Дэном единым целым. Сейчас ещё было не время, внутренне я это понимала и только поэтому не делала следующий шаг. Ещё слишком рано.

– Говорю вам это сейчас, чтобы вы верили в свет, верили в счастье и в то, что не надо бояться просить помощи. Самое больше, что мы можем сделать для себя – это решиться. Не бойтесь любить, совершать ошибки, быть преданными и ранимыми. Только испытывая боль, мы получаем опыт, который и помогает понять, что такое настоящее счастье. Моё счастье – она. Для неё – невыносимой, сильной, резкой, открытой и откровенной – я и существую. Я не умею говорить красивых слов. Умею лишь петь. Поэтому эта песня для тебя, мой ангел, Алиса.

А дальше я не слышу ничего, кроме тишины. Наверное, как и у меня, замерло сердце в груди у всех собравшихся в зале, и мы перестали дышать. Он умеет говорить, он делает всё лучше всех. Мне никогда не говорили ничего приятнее. Только сейчас я замечаю, как по щеке скользнула слезинка, оставляя солёный след на моих губах. Начинает играть медленная музыка, и зал, а вместе с тем и моё сердце, начинают

заполняться словами.

– Ты заставила меня,
заставила меня верить в себя.
Ты сломала меня и собрала заново,
ты заставила меня верить. Пусть пули летят,
а дома рушатся.
Моя жизнь, моя любовь, мой драйв —
всё пришло ко мне от тебя.

И я, наконец, резко распахиваю дверь, понимая, что вот этот момент пришёл.

– Слишком сладко, – врезаются в моё сердце острые ножи голоса Фабиана, чтоб его, Бойла.

Он стоит передо мной в дверях зала, позади него танцуют ребята, и Дэн продолжает петь песню, слова которой так тронули меня, но которой я больше не слышу. Я начинаю жить в параллельной реальности без звуков: только обострённые чувства и взгляд чёрных глаз, которые прожигают меня насквозь. И я остро ощущаю, как мне перестаёт хватать воздуха, будто, в самом деле, вокруг пожар и кислорода не осталось, а лишь яд. Именно этим ядом и пропитан весь Бойл, он им живёт и не может представить, что можно как-то иначе. Я вглядываюсь в чёрные океаны его глаз, пытаюсь понять, настолько ли он прогнил, чтобы это было реальностью, действительно ли он сейчас здесь после всего, что было. По-настоящему ли стоит передо мной, когда я ясно дала понять,

что поезд этой боли уехал на другую часть земли и остался там, похороненный в сырой земле так, чтобы я не смогла добраться до него.

– Ему бы меньше пафоса в песнях, а то станет новым пророком, – ещё злее продолжает свою речь Фабиан, и выталкивает меня обратно в коридор, наступая вперёд. Позади него хлопает дверь, и я вздрагиваю от резкого звука.

В голове крутится столько слов, даже едких замечаний, и я почти открываю рот, чтобы что-то ответить. Но вместо этого снова закрываю его и не могу произнести ни звука, не то, что связать что-то в слова. В голове пули пролетают, будто в матрице, и я не могу ухватиться ни за одну. Смотрю на Фабиана и пытаюсь понять, что всё это значит. Почему сейчас и зачем всё это. Прошло время, мы слишком разные, и прошлому лучше так и оставаться в прошлом. Наши дороги разошлись и им уже не соединится вместе.

– Поехали, Алиса? – неожиданно ласковый голос касается меня так, что я даже морщусь от воспоминаний этого голоса, такого нежного, который когда-то любил меня и на короткие мгновения делал счастливой. Вот только это было слишком давно, и я почти не помню ощущения счастья рядом с Фабианом. В этом вся проблема: я не могу вспомнить почти ничего хорошего. Лишь вечный надрыв, постоянная драма, от которой я просто устала.

Я делаю несколько шагов назад от Фабиана, боясь быть с ним слишком близко, испугавшись оказаться в зоне его по-

ражения. Моя уверенность рядом с ним слишком непостоянна. А его глаза, как зыбучий песок, так и смотри, убьёт тебя, хотя и казался на первый взгляд таким безобидным.

– Ты ведь шутишь? – наконец я могу подать голос, который кажется каким-то истеричным, с надрывом, возможно, даже с лёгким визгом. Я не понимаю, что чувствую, но это точно не похоже на любовь, что была раньше к этому мужчине.

– Нет, – спокойно отвечает он и делает шаг ко мне, в то время как я снова отступаю от него.

Я смотрю на него и ловлю себя на том, что его образ очень легко любить. Красивый, высокий, с этой безумной отросшей щетиной, ей, наверное, около двух недель. Но я замечаю, что некоторые волосы рыжие, такое случается, если курить, но раньше Фабиан не был замечен с этой отвратительной привычкой. Но, видимо, он изменился так же, как и я. Его глаза такие же чёрные и безумные, в них легко потеряться навсегда в поисках ответов на мучающие загадки и в попытке раскрыть его тайны. Но я слишком хорошо знаю, что это бесполезно: он никогда не раскроется, и, возможно, причина совсем не во мне, а просто он такой и будет таким всегда. Я наблюдаю за его волосами, снова отросшими и падающими на лицо, как когда-то в далёкие и ушедшие времена наших путешествий и моей влюблённости в идеальный образ, придуманный в голове.

– Поехали домой, мы соскучились по тебе, – снова повто-

ряет он, будто это в порядке вещей, и он говорит это мне каждый день.

– Я никуда с тобой не пойду, говорю ещё раз. Просто оставь меня в покое, – пытаюсь говорить я спокойно, но голос то и дело срывается. Фабиан абсолютно спокоен, несмотря на мои слова, и снова делает пару шагов ко мне, стараясь поглотить собой, но я надеюсь, что во мне достаточно сил, чтобы не поддаваться. Хотя я всё ещё не уверена, что моё предательское сердце может не реагировать на этого мужчину.

Но это лишь доказывает мне, что я действительно любила его. Если это было больно, всепоглощающе и убийственно для меня. Но это были настоящие живые чувства, и я даже благодарна им. Благодаря этой драме, я знаю, чего мне хочется, и какую любовь я жду в своей жизни. Хотя нет, любовь, которая уже есть в ней, которую мне посчастливилось обрести рядом с Дэном.

– Я же хочу позаботиться о тебе, просто поверь мне, – его голос даже кажется усталым от моей непокорности, так что я представляю себя упрямым ребёнком, который просится в игровую комнату, а отец пытается увести домой уговорами, не применяя силу, хотя для него это несвойственно.

– Я тебе не верю и никогда не поверю вновь. Ты только и умеешь, что причинять мне боль. Я больше не куплюсь на это. Уходи и не возвращайся, в моей жизни нет для тебя места. Даже если мы и живём снова в одной стране, это со-

всем не значит, что мы живём в одном мире. Уходи, Фабиан.

Я так устала. Больше не могу страдать, не хочу больше испытывать боль, которую так стремится причинить мне этот мужчина. Нет, я просто не переживу снова этого. Поэтому так стремлюсь в свою спокойную гавань рядом с Дэном. Он тот, что спасает меня каждый день.

– Фабиан, – меня вырывает от глаз Фабиана голос Ирэн, и я перевожу взгляд на её пальцы, лежащие на плечи Бойла и разворачивающие его к ней лицом, и наконец разделяющие наши сцепленные взгляды, – она не пойдёт. Нам лучше уйти.

Я наблюдаю за тем, как Фабиан убирает руку женщины от себя и отстраняется от неё на пару сантиметров, снова переводя взгляд на меня. Я вдруг чувствую в себе голос, вдруг вспоминаю, что я в этих коротких шортах и открытом топе, почти не прикрывающем меня. По сравнению с ними, я слишком раздета, особенно с Фабианом в его чёрных джинсах, белой футболке и кедах, которые мне так нравились раньше в его образе, делающие из него не владельца авиакомпании, а обычного соседского парня, которым я порой хотела, чтобы он был. Но в этом вся проблема. Он не мог поменять меня, а я не могла изменить его. Но нам требовались перемены, и сейчас я рада, что они произошли, когда мы перестали влиять на жизни друг друга. Это лишь доказывает, что мы сделали правильный выбор, отказавшись от чувств, что нас разрушали. Я уверена, что поступила правильно, решив уехать навсегда, и держаться подальше от боли, насколько

ко это возможно.

– Мне нужно, чтобы ты поехала со мной, Алиса. Речь идёт о твоей жизни, я не могу позволить тебе быть одной, – он снова смотрит на меня, говорит так, что я почти верю, что дело в моей безопасности. Хотя не думаю, что для кого-то моя жизнь представляет какую-то ценность. Именно поэтому не могу доверять ему: он умеет манипулировать и давить на больное место, а потом оказывается, что всё было ложью лишь для удовлетворения его эго и ничего больше. Этот мужчина умеет любить только себя и дорожит он только собственной жизнью, ничьей больше.

– Я не одна и не буду. Так что просто уходи, как тебя просит Ирэн, навсегда исчезните из моей жизни. Я смогу позаботиться о себе сама, ты мне точно не нужен, Фабиан.

Его лицо меняется со спокойного и расслабленного, видимо, уверенного, что я сейчас уйду с ним, на то, что я видела чаще всего. Каждый мускул напрягается, и он начинает контролировать собственные эмоции и слова, сейчас он будет играть в игры, прячась от реальности и выстраивая свой собственный мир, где он бог, способный созидать и разрушать, всё зависит от настроения. За секунду он сокращает расстояние между нами, и мне приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Я чувствую себя такой маленькой и незначительной сейчас. Снова и снова я возвращаюсь в воспоминания, где я всегда рядом с ним беззащитная и слабая, неуверенная и неуравновешенная в своих эмо-

циях. Я не думаю рядом с ним, а лишь чувствую, и это очень плохо для меня.

– Только я могу защитить тебя. Только я знаю, как любить тебя. Я единственный, кто знает тебя и любит, чтобы ты не говорила и не вытворяла. Время, расстояние – ничто не значимо, потому что только я один буду ждать тебя. Но не хочу делать этого. Моя малышка, лучше не сопротивляйся, я всё равно верну тебя, чего бы мне это ни стоило.

Я наблюдаю, как он осматривает меня, и чувствую, будто он касается меня пальцами, но на самом деле это лишь его взгляд. Но ощущения такие острые, что я забываю, как дышать. Он видит, как я реагирую на него, и понимает, что его слова возымели на меня действие. Он знает, что говорить и делать, чтобы я действительно подумала о том, чтобы сдаться. Всего мгновение – и вот он берет под руку Ирэн, и они, не оборачиваясь на меня, выходят на неярко освещённую улицу. Я стою и наблюдаю за их тенями, представляя себе дальнейшее развитие этого вечера. В голове то и дело проносятся сказанные им слова, и мне становится страшно. Но вместе с тем слово «люблю» отбивает ритм в моём сердце. Он любит меня. Несмотря на время, он говорит, что любит. Впрочем, это слово никогда для него ничего не значило, и он легко им разбрасывается. Но сейчас я отчего-то верила ему, сама не знаю, почему. Вот только я не люблю его. Надеюсь, что больше не люблю его.

Глава 4

Я резко открываю глаза и вскакиваю с кровати, чувствуя, как бешено забилося сердце от ужаса. Не знаю, что это было, но по-настоящему испытываю страх в это мгновение. Осматриваю в панике комнату, ища знакомые мелочи, чтобы немного успокоиться и поверить, что я дома, в безопасности. Взгляд касается лежащего рядом Дэна, мило уткнувшегося в подушку лицом и не заметившего того, как резко я проснулась. Такого со мной ещё не было. Но я чётко уверена, что произошло что-то ужасное. Хотя, может быть, это был всего лишь сон. В темноте провожу рукой по тумбочке в поисках стакана с водой, что оставляет каждую ночь для меня Дэн, зная, что я могу проснуться и захотеть попить немного воды. Но ему не хочется, чтобы я уходила на кухню посреди ночи, и поэтому он заботливо оставляет стакан возле постели.

Я делаю несколько жадных глотков холодной воды, которая обжигает горло. Дыхание медленно выравнивается, и я даже позволяю себе опуститься обратно на подушку, прикрывая глаза. Не знаю, сколько времени, но сквозь плотно задёрнутые шторы не пробивается свет, поэтому делаю вывод, что ещё достаточно поздно, и не решаюсь нарушить сон моего мужчины, надеясь заснуть рядом с ним, вслушиваясь в его спокойное размеренное дыхание.

Это длится недолго. Пара минут, а, может быть, и секунд,

и я снова вскакиваю с кровати в ужасе. Теперь я бужу Дэна своими движениями, и он переворачивается, открывая один глаз, изучая меня.

– Что с тобой? – его шёпот в пустой комнате звучит так громко, что я морщусь от этого звука.

– Ничего, спи дальше, – бросаю, стараясь придать своему голосу уверенности, и опускаю ноги на холодный пол нашей спальни.

Дэн предпочитает спать с включённым кондиционером так, чтобы было достаточно холодно в помещении, но при этом завернувшись в одеяло так, что видно только его лицо. Стараясь не шуметь, поднимаю с пола брошенный вечером кардиган и выскальзываю в дверь, одевая его на себя. Несмотря на то, что ещё лето, я чувствую, как осень приближается к нам. Поэтому вместо лёгкой шёлковой пижамы на мне теперь ещё и кардиган. В моей квартире всегда холодно.

Я ругаю себя, что не взяла тёплые носки из спальни, но не вернусь туда, чтобы не разбудить Дэна. Вместо этого, на мысочках, я отхожу от двери и оказываюсь в нашей небольшой гостиной. Я называю её «нашей», несмотря на то, что это моя квартира, но Дэн практически живёт здесь. Единственное, что делает квартиру только моей – мои вещи, а его вещи хранятся в его квартире, той, что напротив, а всё остальное мы делим поровну.

На часах духовки подсвечиваются красные цифры 4:18.

Мне становится понятно, почему на улице ещё темно, но заснуть я уже в любом случае не смогу. Поэтому ложусь на большой белый диван и включаю телевизор, делая звук как можно тише. Укрываюсь пледом, ощущая холод во всём теле, и прислушиваюсь к телевизору.

Едва я прикрываю глаза, отключившись от какого-то фильма на экране и думая, что погружаюсь в сон, даже если и не хотела этого, как слова с экрана заставляют меня вновь вскочить на диване и устремить взгляд в экран.

– Мы прерываем вещание. Экстренные новости, – молодой мужчина появляется на экране в кресле ведущего новостей в деловом костюме, и в его взгляде читается сожаление и страх. Такой взгляд я видела всего один раз, и он не принёс в мою жизнь ничего хорошего.

– Несколько минут назад была потеряна взятая с пассажирским лайнером рейса NG4381. Самолёт пропал с радаров, экипаж не выходит на связь. Источники в аэропорту вылета подтверждают крушение лайнера с 142 пассажирами на борту и 11 членами экипажа.

Несмотря на то, что я сижу в пледе, меня начинает трясти. Сердце снова бешено бьётся в груди, и я боюсь собственных эмоций от тех слов, что произносит диктор.

– У нас в распоряжении имеются кадры с предполагаемого места катастрофы, снятые студентами. Просим убрать от экранов детей и беременных женщин.

Голос замолкает, и на экране появляется яркая точка, я

прищуриваюсь, чтобы понять, что происходит. Несколько деревьев, и яркая точка снова появляется в кадре, двигаясь на ночном небе. Она снижается, и через несколько секунд небо озаряется яркими красками пожара, всё заливают оранжево-жёлтый свет, и я непроизвольно вздрагиваю, закрывая глаза от увиденного. Возможно, для кого-то это не значит ничего, но я воспринимаю это достаточно близко к сердцу и только сейчас понимаю, почему не могла заснуть, и что же меня так мучило. Это странное ощущение неизбежности чего-то ужасного преследует меня с самого дня смерти мамы, и обычно оно не ошибается в день, когда происходит что-то ужасное в мире.

– Мы приносим свои соболезнования родным и близким погибших. Берегите себя, – заканчивает мужчина, откладывая бумаги в сторону, и экран на мгновение становится чёрным – в память о погибших слишком рано.

Я не слышу, что происходит дальше, уходя мысленно к этим людям, которые уже не встретят свою семью, у которых нет возможности обнять любимых и сказать самые важные слова. Мне жаль, что в нашем мире всё ещё продолжают происходить подобные события. Рок, неизбежность или судьба, но всё равно всего за мгновение мы не должны терять так много людей. И не важно, знала я хоть кого-то или нет, они все заслуживали долгой и счастливой жизни, я в этом уверена.

Не знаю, сколько времени я сижу и смотрю на экран, но,

когда диван подо мной прогибается, оживаю и смотрю на заспанного Дэна, потирающего глаза в попытке рассмотреть меня.

– Что случилось? – его голос немного взволнован, и мужчина обнимает меня за плечи, притягивая к себе в объятия, чтобы я почувствовала себя в безопасности рядом с ним.

– То, что мир очень жесток, – я закрываю глаза, утыкаясь носом в его плечо. Не чувствую слез, но они бы сейчас и не смогли показать всю глубину моего отчаяния. Странно, что событие так может повлиять на человека, который совсем не был с ним связан. Но я остро ощущаю, что это важно, и почему-то принесёт в мою жизнь изменения, которых я боюсь. Не знаю, что конкретно изменится, но обязательно что-то пойдёт не по тщательно выстроенному мной плану.

Мы сидим вдвоём, и я слушаю размеренное дыхание Дэна, ощущаю тепло его рук и лёгкие поцелуи в волосы. Он ничего не говорит, за что я ему благодарна. Ощущаю спокойствие, просто находясь рядом с ним, и не хочу рушить этот момент какими-то словами. Мы просто вместе, и этого сейчас мне достаточно, чтобы чувствовать себя живой.

Не знаю, сколько мы так сидели, но и этого будет мало в отношении бесконечности вокруг. Но я поднимаю голову и смотрю в голубые глаза Дэна, такие родные и любимые: в них нежность и забота, и я не представляю, какой бы была моя жизнь, если бы не этот мужчина.

– Я приготовлю завтрак, – говорю совсем тихо я и не знаю,

услышал ли он мои слова, но руки расцепляются, и мужчина позволяет мне встать с дивана. Он так и не выяснил, в чём дело, но ему достаточно того, что он мне сейчас нужен. В этом вся ценность этих моментов: мы можем не говорить, а просто чувствовать друг друга.

Я ухожу на кухню, стараясь отгородиться мысленно от всех событий этого странно утра. Хотя это и сложно: все мои мысли то и дело крутятся вокруг краткосрочности нашей жизни и зависимости от независящих от нас событий. Всегда будет вопрос «что если»? Не сядь ты в самолёт, опоздай на регистрацию? Если не прийти на свадьбу, если сбежать, если не знать правду и не менять жизнь? Что было бы, если мы совершали бы другие поступки? Могли бы мы быть по-прежнему счастливы, или это изменило бы и наше понимание счастья?

Стараюсь отвлечься от собственных рассуждений и решаюсь сделать то, что не практикую в нашей обычной жизни. Но достаю из холодильника молоко, яйца и масло. Привстаю на пальцы, чтобы достать с верхней полки то, чем пользуюсь крайне редко: муку, какой-то порошок, что делает тесто то ли вкуснее, то ли пышнее, сахар и немного соли. Обычно я не очень дружу с готовкой, да и, наверное, панкейки – единственное, что я умею готовить. Точнее, это единственное, чему меня успела научить мама, пока я навсегда не лишилась возможности научиться готовить что-то более значимое.

Чувствую, как Дэн наблюдает за мной. Я готовила для

него один единственный раз, после приезда мамы Фабиана к нам домой, в Сидней. На следующее утро, после рассказа о своём прошлом Дэну, я готовила для него блинчики, потому что мне нужно было побыть наедине с собой, а я знаю только один способ не сорваться – это готовить. Так я чувствую себя рядом с мамой и могу поговорить с ней, будто не было этих лет, будто мы всё ещё вместе и готовим завтрак папе, как 10 лет назад. Тогда Дэн был удивлён тем, что я могу что-то приготовить, сейчас же он понимал причины моего поведения, и я уверена, его это всё ещё немного напрягало. Я чувствовала это по его тяжёлому взгляду, прожигающему мою спину, и по неровному дыханию, что застывало в воздухе, заглушая любые другие звуки, даже всё ещё работающий телевизор. Но он не предпринимал попытки поговорить, просто смотрел и давал мне немного времени.

Я закатала рукава своего кардигана прежде, чем достать из нижнего ящика миску. Я небрежно смешала яйца с солью и сахаром в ней и заработала венчиком, стараясь взбить яйца, хотя это больше напоминало желание избавиться от негативных эмоций и воспоминаний, но почему бы и нет. Если меня это успокаивает, не вижу повода не делать этого, учитывая, что потом всё это можно будет съесть и не вспоминать. Так я себя успокаиваю. Тонкая струйка молока вливается в содержимое миски, и я снова смешиваю всё вместе, стараясь взбить. Наблюдая за образованием пузырьков на поверхности, полностью отключаюсь от реальности

и растворяясь в механических действиях. Следом идут мука и этот странный белый порошок, так напоминающий саму муку, так что я вообще не понимаю, в чём различия. Мама говорила, что это волшебная пыльца фей, которая делает еду вкуснее. Но её нужно совсем немного, поэтому не стоит класть слишком много, иначе, возможно, будет противоположное действие, и получится не вкуснейшее блюдо, а уголёк, который потом достанется какому-нибудь ребёнку на Рождество за плохое поведение. Тогда это были сказки, в которые я верила. Мне жаль, что прошло то время, когда можно было верить в чудеса и магию, жаль, что сейчас всё слишком реально, и нет возможности убежать от этого. Всё слишком реально.

Я начинаю жарить панкейки на двух сковородах одновременно, и наконец перевожу взгляд на Дэна, который следил за мной всё это время. Я улыбаюсь уголками губ, давая понять, что всё уже хорошо. Он поднимается с дивана и подходит ко мне, обнимая сзади. Убирает отросшие волосы на одну сторону и касается обнажённого плеча, с которого упала часть вязаного кардигана.

– Достань, пожалуйста, сироп с верхней полки и садись завтракать, – произношу я, одновременно включая кофемолку. Всего лишь десять или пятнадцать минут, и я могу снова почувствовать себя способной жить в этом мире, просто рядом должен быть тот, кто понимает меня и будет ждать, пока я снова не стану собой. Странно ощущать, что такой

человек уже рядом со мной. Я всё ещё с трудом верю в то, что мы с Дэном действительно вместе. Сложно ощущать реальность происходящего, что так вообще бывает. Случайная встреча на какой-то костюмированной вечеринке больше года назад, всего лишь взгляд, короткий разговор, но это ощущение внизу живота никуда не ушло. Тогда я любила Фабиана и была готова ради него на всё. И даже не понимала, что, возможно, совсем в другой стороне – мужчина моей жизни. Хорошо, что судьба всё расставила по своим местам и привела меня всё же туда, где я счастлива. После этого я хочу верить, что мир не так ужасен, и всё делается для того, чтобы мы были счастливы. Хотя после утренних новостей в это и становится сложно верить.

– Тебе бы хотелось шоколадного или карамельного? – его голос обволакивает меня, а пальцы Дна касаются бёдер, на которых совсем низко сидят шёлковые шортики, он разворачивает меня к себе лицом и касается кончика носа в лёгком поцелуе.

– Шоколадного, – протягиваю я.

– Кто-то любит сладенькое, – улыбается Дэн, вталкивая меня в столешницу и касаясь губами оголённой кожи шеи.

Я прикрываю глаза от удовольствия, совсем забывая о том, что готовлю завтрак, и что, возможно, скоро в моей жизни всё изменится. Я и так в идеальном мире, мне больше не нужно ничего.

Он уже наклонился достаточно близко, так что я чувствую

горячее дыхание на груди, как чёртов звонок его телефона вырывает меня из мира желаний и фантазий и принуждает Дна сделать пару шагов назад.

– Ответь, я закончу с нашим завтраком, – бросаю я чуть недовольнее, чем планировала, и резко отворачиваясь обратно к плите, не замечая того, что делает мужчина. Не знаю, что больше вызывает моё негодование: то, что у него так рано звонит телефон, или что он медлил прежде, чем поцеловать меня и немного расслабиться в объятиях друг друга. Возможно, это не метод снятия стресса, а, возможно, это и есть самый лучший способ избавления от всех грустных и навязчивых мыслей. Я бы с радостью проверила сейчас.

Переворачиваю последнюю партию панкейков на тарелку и включаю плиту. И только когда разворачиваюсь от плиты, замечаю грязь, оставленную Дэном шоколадным сиропом на столе. Оставляю на столешнице тарелку с нашим завтраком и тянусь за тряпкой, чтобы убрать оставленную грязь, и только в этот момент замечаю, что это вовсе не грязь. Шоколадным сиропом на столешнице выведены пальцем слова «Я люблю тебя».

Возможно, это наше не первое признание, но точно самое необходимое и романтичное. Мои пальцы немного дрожат, когда касаются надписи из сиропа, и я чувствую свою улыбку, что растягивается на лице. Повторяю про себя прочитанные слова снова и снова и ощущаю, как внутри разливается тепло. Этот мужчина точно знает, когда нужно сделать что-

то приятно, когда он мне так нужен. Я стираю «тебя» пальцем и облизываю его, вымазанного шоколадным сиропом.

– Кто-то очень любит сладенькое, – слышу я из-за спины и с улыбкой нашкодившего ребёнка разворачиваюсь к Дэну, стоящему в дверном проёме и наблюдающему за мной.

– Кто-то очень любит тебя, – мой голос отражается от стен, и зависает в воздухе.

Мы молча смотрим друг на друга. Не уверена, что здесь можно что-то добавить. Несмотря на то, что мы сравнительно недавно вместе, я чувствую, как он важен для меня, что я не смогла бы представить свою жизнь без него. И от этого ощущаю, насколько реальны мои чувства. Надеюсь, что я значу для него не меньше. Впрочем, это читается в его глазах, смотрящих сейчас на меня со всей ясностью, в его улыбке, что застыла на лице, пока мы смотрим друг на друга.

– Либо завтракаем, либо мы пропадём на пару часов из этого мира, – смеётся Дэн, хотя прекрасно знает, что мы не можем сбежать вдвоём даже на два часа.

Мы усаживаемся за стол, и Дэн делает телевизор погромче, хотя я могла бы и сама рассказать ему обо всех ужасных событиях этого утра. И пока он слушает внимательно новости, я пытаюсь втолкнуть в себя панкейк, покрытый шоколадным сиропом, но я абсолютно не хочу есть. Вливаю в себя кофе без молока, надеясь почувствовать хоть какой-то вкус, способный заглушить горечь о случившемся, но снова и снова чувствую только боль. Я остро реагирую на подобные со-

бытия, пропуская через себя все эмоции людей, даже тех, кого не знаю. Видимо, концентрация горя сегодня способна затмить даже самые положительные эмоции.

– Это ужасно, – открывается от телевизора Дэн и рассматривает меня так, будто этим утром видит в первый раз.

Я могу лишь угукнуть в ответ и погрузиться в себя, не смотря на мужчину напротив.

Мы завтракаем в тишине, каждый погруженный в свои мысли. И, несмотря на то, что сейчас мы вместе, а ранее я ощущала себя вместе с Дэном единым целым, сейчас я ощущаю себя такой одинокой, замкнутой в мире из своих переживаний.

– Думаю, мне нужно слетать домой, – неожиданно громко произношу я так, что шокирую не только Дэна, но и себя.

– Зачем?

– Я откладывала это долгое время. Мы с тобой уже несколько месяцев в Штатах, а я так и не смогла заставить себя вернуться в Денвер. Наверное, нужно сделать это и покончить навсегда с прошлым. Когда, если не сейчас?

– Ты говоришь это на эмоциях, не думаю, что стоит ехать, когда ты в подобном эмоциональном состоянии, – Дэн тянется через стол и сжимает мои пальцы в своей ладони так, что причиняет немного боли, но она даже приятна. Мне нравится чувствовать, что ему не хочется отпускать меня, что я нужна ему не меньше, чем он мне. Но это утро заставило меня подумать об изменениях: я не смогу покончить с про-

шлым, пока не встречу с ним лицом к лицу и навсегда не сожгу мосты.

– Думаю, пришло время продать дом и магазин отца. Хочу всё оставить в прошлом и быть с тобой без незаконченных дел, – смотрю я на Дэна, надеясь на то, что он поймёт меня и примет моё решение.

– И когда ты хочешь поехать? – приподнимает он бровь в вопросе, и я понимаю, что он относится скептически к моему порыву, но благодарна за то, что не отказывает мне сразу. Я всё же зависима от него и не смогла бы принять ни одного решения, не посоветовавшись с ним. Теперь для меня важно знать о поддержке любимого мужчины и не решать всё эгоистически самостоятельно. Мы – одно целое, и это для меня – настоящая любовь.

– Сегодня, – выдаю я на одном дыхании.

– Нет, – первое, что я слышу и чувствую, как мои пальцы сжимают ещё сильнее в своей стальной хватке, – почему сегодня? – меняет свой ответ незамедлительно Дэн, и я непроизвольно улыбаюсь: он такой понимающий мужчина и сам осознает, когда допустимо спорить, а когда нет.

– Чем быстрее, тем лучше. Я не нужна тебе ближайшие недели, поэтому могу закончить все дела в Денвере и вернуться к тебе как раз к началу тура. Это всего пара недель, – я улыбаюсь, понимая, что он уже согласен и не смог бы мне отказать.

– Но я отвезу тебя в аэропорт и встречу, а если тебя

не будет слишком долго, прилечу и заберу, – настаивает Дэн на том, что и так кажется нормальным требованием. Но он так серьёзен, что я могу только сделать вид, что с неохотой принимаю его правила.

Встаю из-за стола и, пройдя пару шагов, опускаюсь на колени любимого мужчины, обвивая его шею рукой и целуя в уголок губ.

– Меня не будет совсем недолго, но ты успеешь соскучиться. Может, сейчас нам именно это и надо: просто немного соскучиться, – губы находят губы Дэна, и я позволяю себе немного расслабиться в его объятиях. Мне нравится чувствовать его силу, то, как пальцы забираются под шёлковый топ и проходятся по пояснице, вызывая лёгкую дрожь во всём теле. Его поцелуи всегда настойчивые и страстные, полные желания и надежды, вот почему я не могу никак оторваться от него.

Это невозможно, когда он лишь сильнее прижимает меня к себе и не позволяет даже двигаться в его руках, полностью забирая инициативу себе. И только когда мне перестаёт хватать воздуха, он отрывается от меня и заглядывает в глаза.

– Чтобы ты знала, к чему надо скорее вернуться, – он игриво целует меня в нос, а когда я встаю с его коленей, шлёпает по попе, отпуская в комнату.

Не думала, что сборы вещей могут занимать не больше пятнадцати минут, но именно столько мне потребовалось, чтобы собраться в путешествие. Никогда раньше я не ис-

пытывала ничего подобного во время сборов. Как правило, это было связано с переменами в жизни, открытием чего-то нового, и обязательно я верила в самое лучшее для себя во время путешествий. Мне нравилось летать, несмотря на страх, нравились ощущения от предвкушения путешествия. Но сейчас я не испытываю трепета, даже напротив, я буквально заставила себя собраться, потому что решение озвучено. Может, именно это и должно измениться в моей жизни: я должна поставить точку на своём прошлом, завершить этот этап, и наконец позволить себе идти дальше, позволить чувствам взять верх и не бояться ступить на тонкий лёд семейной жизни, на которую то и дело намекает мне Дэн.

Пока я собиралась, он сидел на нашей кровати, посматривая на меня через опущенные брови. Несмотря на его явное нежелание меня отпускать, всё же он купил мне билет на ближайший рейс так, чтобы мы успели доехать до аэропорта и нормально попрощаться. Хотя не понимаю, почему вообще думаю об этом. Я улечу всего лишь на несколько дней, чтобы закончить дела, которые откладывала, чтобы зачеркнуть боль и обиду. Это не прощание для нас с Дэном, это начало, и мы должны порадоваться тому, что совсем скоро будем вместе и уже не расстанемся никогда.

– Перестань дуться, я скоро вернусь, – плюхнулась я на кровать рядом с Дэном и толкнула его в плечо, желая разогнать это упадническое настроение своей улыбкой.

– Не хочу отпускать тебя одну, – фыркнул мужчина и по-

тёр плечо, будто я очень сильно его задела.

– Меня не будет несколько дней, а ты успеешь развлечься в мужской компании и соскучиться. Обещаю, что вернусь, как только смогу, – я положила ладони на лицо Дэна, разворачивая его к себе лицом, – я люблю тебя, – потянувшись вперёд, коснулась его губ своими и почувствовала, как мужчина расслабляется в моих руках. Знаю, что ему приятно это слышать, а ещё больше нравится чувствовать мою любовь. Уверена, что, оставив позади свою боль, мне удастся ещё искреннее любить этого мужчину. В нашей жизни больше не будет места моим мыслям из прошлого, я пообещаю себе не возвращаться туда, откуда спаслась лишь бегством. Даже призраки моего прошлого не смогут утянуть меня туда. В этом я уверена почти на сто процентов.

Прошло больше недели с моей неожиданной встречи с Бойлом и Ирэн, хотя для них эта встреча была более чем ожидаема, судя по всему. Но я была благодарна, что мы больше не пересекались, и надеялась, что они вняли моим словам и решили оставить в покое. Пусть будут вместе или отдельно – мне уже плевать, что будет происходить у этих двоих в жизни, я лишь хочу, чтобы наши пути не пересекались.

Дэн, как и обещал, отвёз меня в аэропорт и долго не желал отпускать. Пока не закрыли регистрацию на мой рейс, не отпускал мою руку, и только когда оставаться больше было нельзя, поцеловал меня и пообещал приехать, если он мне понадобится. Я была благодарна за эти слова и за то, что он

наверняка исполнит обещанное, если мне это действительно понадобится. Это одно из тех качеств, что я так ценю в нём.

Уже стоя на посадке, я достала телефон из сумки и набрала номер, который, думала, не окажется в строке вызова ещё долгое время.

– Слушаю вас, – отозвался голос в трубке без приветствия. Не знаю, есть ли я в его списке контактов.

– Ноа, добрый день. Это Алиса Грин.

– Алиса? – произнёс он моё имя скорее вопросительно, и я подумала, что он не представляет, кто ему звонит.

– Алиса Грин, – повторила я более решительно, потому что мне была необходима помощь этого мужчины, – Я, – молчание, – Фабиан Бойл, – попыталась было сформулировать я, кем мы приходились друг другу с Бойлом, но так и не поняла, как лучше представиться.

– Нас познакомил Фабиан Бойл, – больше ничего в голову мне не пришло. Ведь я никогда не была девушкой, женой или даже просто любовницей Фабиана, скорее бывшая сотрудница, которая потеряла голову от любви, а потом навсегда разбила своё сердце о ледяную глыбу, что окружала сердце этого мужчины.

– Чем я могу помочь?

– Я не знала, кому ещё могу позвонить в этой ситуации, я хотела бы продать дом и магазин.

– Вы уверены, дорогая? – его голос немного сорвался, и мне показалось это странным, но, кроме него, вряд ли кто-

то сможет мне помочь. К тому же, Ноа является адвокатом Бойла, а это значит – самым верным человеком. А ведь только этот мужчина знает правду о моей семье, помимо самого Фабиана, а я точно никогда не стала бы обращаться к нему за помощью.

– Я уже на посадке и буду в Денвере через пару часов, у вас есть возможность встретиться со мной?

По аэропорту раздалось объявление о начале посадки на мой рейс, и я двинулась в сторону выхода на посадку, пытаясь достать из сумки убранный туда посадочный талон.

– Конечно, приезжайте ко мне в офис, как только сможете. Я буду вас ждать.

Я улыбнулась его отзывчивости и попрощалась.

– Чёрт, – выругалась я, убирая телефон в задний карман брюк.

Немолодая женщина, стоящая передо мной, обернулась и смерила меня таким взглядом, будто я убила кошку, а не просто выругалась. Я забыла попросить мужчину ничего не сообщать Фабиану, но думаю, что уже слишком поздно: наверняка, он уже говорит ему о том, что я буду в Денвере, и, в том числе, о моём приезде в его офис. Но мою решимость не сможет сломить даже Фабиан. Хотя надеюсь, что он уже понимает, и в третий раз повторять не придётся, что лучше нам держаться на расстоянии друг от друга. Я по-прежнему верю в его порядочность, хотя, скорее всего, это глупо с моей стороны, и такой, как Фабиан Бойл, не отличается понима-

нием решений, принятых другими людьми вопреки его желанию.

Пристегнувшись в кресле, я попросила принести мне бокал вина перед взлётом. Знаю, что статистически невозможно, чтобы в один день произошло несколько авиационных событий, но это нисколько не помогает мне справиться со страхом. В последнее время он обострился и стал всё более неуправляемым. Дэн даже предлагал записаться на курсы по преодолению аэрофобии, но я-то знала, что вся проблема в моей голове, которая требует контролировать всё в моей жизни, и даже такой процесс, как перелёт в другой город. Пальцы сжали подлокотник кресла, и я обернулась к иллюминатору, чтобы увидеть, как нас буксируют со стоянки.

– Мистер и миссис Бойл, разрешите поздравить вас от лица экипажа и предложить шампанское в честь вашего праздника. Его передал лично мистер Лин, – молодая очень привлекательная девушка-бортпроводница опустила перед креслами передо мной. Я наблюдала за улыбкой на её лице, и она даже показалась мне искренней.

– Спасибо, дорогая, – голос женщины заставил меня выпрямиться в кресле. Моё любопытство было так велико, что я готова была встать с кресла и посмотреть на людей, сидящих передо мной. Единственное, что останавливало меня – это сигнал «пристегнуть ремни». Я даже забыла о том, что мы взлетаем, сконцентрировавшись на людях, сидящих передо мной.

– С годовщиной, дорогая, – раздался голос мужчины, и затем я услышала звук соприкасающихся бокалов.

Я совсем забыла о том, что практически невозможно летать в этой стране на других самолётах, кроме как на тех, что принадлежат ББА, к тому же, они выгодно заключили соглашение и вступили в альянс с другими авиакомпаниями так, что расширили пассажиропоток.

– С праздником, Альберт. Фабиан так мил: шампанское великолепное, – снова заговорила женщина о мужчине, которого я хотела бы навсегда вычеркнуть из своей жизни, но даже его имя заставляет меня нервничать и переживать. Что же говорить о присутствии его родственников в одном самолёте со мной.

– Малыш знает, как порадовать стариков, – усмехнулся мужчина.

Едва погасли световые табло, как я отстегнула ремень безопасности и рванула со своего кресла в туалет, хотя на самом деле просто хотела посмотреть на людей, сидящих передо мной. Закрывая дверь туалета, я успеваю обернуться и рассмотреть пожилых мужчину и женщину, сидящих на первом ряду бизнес-класса и потягивающих шампанское, смотря друг на друга.

Он в костюме-тройке серо-коричневого цвета, с седыми волосами и усами под носом, она – в коротких чёрных брюках и в красной блузке, у неё короткая стрижка, практическая такая же, как у мужа, квадратные очки и очень при-

ятная улыбка. От них веет влюблённостью и счастьем так, что я пытаюсь собрать образы Фабиана, его матери и отчима, и этих людей воедино. Никогда бы не поверила, что эти люди могут быть родственниками Фабиана, если бы не услышала их фамилию, и Фабиан не прислал бы для них бутылку эксклюзивного шампанского. Но в моей голове всё равно не могут срастись образы холодного мужчины, росшего без любви и внимания отца, и чудесной пожилой пары, которая определённо прожила не один десяток лет в любви и гармонии.

Я выскальзываю из туалета и хочу вернуться в своё кресло, навсегда похоронив любопытство. Но ноги живут отдельной жизнью от мозга, и я замираю возле этой пары, смотря на них со странной улыбкой.

– Вы что-то хотели, милая? – выводит меня из ступора голос женщины, чуть наклонившейся вперёд.

– Я случайно услышала, что у вас праздник, поздравляю вас.

– Спасибо, дорогая, даже не верится, что уже 57 лет вместе, – протягивает она и улыбается, смотря на мужа.

И мне не верится. Неужели можно пожениться и прожить вместе с человеком 57 лет, и при этом не хотеть его убить? Не представляю себя замужем спустя долгие годы, чтобы я точно так же смотрела на мужа, как эти двое смотрят друг на друга. Хотя, может, именно с Дэном это и могло бы произойти. Он похож на мужчину, который будет любить меня и спустя 57 лет, когда я стану не такой активной и жизнера-

достной, когда на лице появляются морщины, и моим единственным желанием будет сидеть и читать, а не добиваться своих целей любыми способами.

– Поздравляю, это очень впечатляет, – добавляю я, всё ещё наблюдая за этими людьми. Как мужчина поглаживает руку супруги, что лежит на общем подлокотник, а она поправляет ему волосы оторвавшись от меня, хотя это и не требуется. Они выглядят такими милыми, что мне немного не по себе, что разрушаю такую идиллию.

– Мистер и миссис Бойл, мистер Лин передал вам подарок, – раздаётся голос девушки рядом со мной, и она протягивает небольшую коробку супругам и снова уходит, скрываясь за шторкой.

– Фабиан не перестаёт меня удивлять, – радостно говорит женщина и забирает из рук супруга коробочку, нетерпеливо разрывая бумагу.

– Это наш внук, – добавляет мужчина, переводя на меня взгляд, пока жена достаёт из коробки бархатную коробочку и белый конверт.

– Он чудесный мальчик и не забывает о своих бабушке и дедушке, это путешествие он нам подарил, – рассказывает женщина, открывая коробку, в которой я успеваю заметить два обручальных кольца. Я вижу в глазах женщины слёзы. Наверное, мне стоит вернуться на своё место, но я не могу уйти, просто стою и пялюсь на людей, которые, наверное, и должны воплощать любовь. Как Фабиан мог вырасти таким

холодным и замкнутым, если эти два человека – его бабушка и дедушка? Он должен был видеть эту любовь. Если это так, то, возможно, я зря думала, что он не знает, что это такое. А на самом деле он прекрасно осознает, что такое любить, просто не хочет сам испытывать это. Или просто я никогда не заслуживала того, чтобы он меня любил.

– Альберт, посмотри, – женщина протягивает мужу бумагу, что вытаскила из конверта, – здесь билеты на Бора-Бора и оплаченное бунгало для нас двоих, – женщина чуть вскрикивает от радости, в то время как на лице мужчины читается радость от полученного подарка. Хотела бы и я иметь возможность оказаться на райском острове с человеком, которого люблю, и нас бы не преследовали его поклонницы, друзья и мои демоны прошлого. Не представляю, правда, кто хуже для наших отношений.

– Ещё раз поздравляю, – наконец подаю голос я, и возвращаюсь в своё кресло.

Возможно, всё, что я когда-то знала о Фабиане, не было правдой, а лишь моими домыслами. Хотя я всегда знала о его щедрости по отношению к родным людям, знала, что он невероятно добр и любит свою семью. Он совершает глупые поступки, чтобы показать свои чувства, но это лишь издержки воспитания и невозможность проявить чувства другим способом. Но даже такие люди, как эта супружеская пара, что сидит передо мной и празднует 57 годовщину свадьбы, не смогла внушить маленькому мальчику, что такое

настоящая любовь, и что нет силы больше, чем это чувство.

Возможно, его ледяную стену может разрушить только бульдозер, а никак не я. Может быть, Ирэн добьётся своего и сможет смириться с ним таким или изменит наконец этого невыносимого мужчину. В глубине души я бы хотела увидеть Фабиана совсем другим: чувствительным и открытым, знающим цену настоящим чувствам. В глубине души я всё ещё надеюсь, что он может таким стать, а ещё глубже спрятана моя надежда однажды встретиться именно с таким Фабианом Бойлом.

Глава 5

– Мистер Тейт, к Вам мисс Грин, – я стояла позади молодой девушки с роскошными чёрными волосами, опускающимися по спине волнами и достающими почти до поясницы. Именно на них я первым делом обратила внимание, зайдя в кабинет адвоката. Девушка стояла ко мне спиной и наполняла стакан водой из кулера. Судя по тишине в офисе, я попала как раз в обеденный перерыв, и только самые преданные своему делу сотрудники остались в кабинетах, продолжая работать на, надеюсь, любимой работе.

Мы стояли возле деревянной двери с табличкой «Ноа Тейт». Возможно, всё это выглядело на первый взгляд недостаточно внушительно, но на входе в здание была более крупная и говорящая табличка «Тейт, Ньюман и Шварц – адвокатская фирма». Раз его фамилия первая в этом списке, я логично предположила, что окажусь в кабине самого лучшего адвоката в городе. Впрочем, один факт того, что Фабиан выбрал его в качестве своего адвоката, говорил громче всяких табличек.

– Конечно, Мэл, – из-за двери послышался глубокий голос, обратившейся к администратору немного фамильярно, по уменьшительному имени, и я снова делаю автоматически вывод, что между ними отношения куда более близкие, чем просто сослуживцев, и рефлекторно оглядываю девуш-

ку в попытке понять, кем она может приходиться уважаемому немолодому мужчине: любовницей, дочерью, женой, племянницей. Но я не успеваю принять решение относительно её статуса, как дверь распахивается, и девушка отходит в сторону, пропуская меня вперёд. И, едва я переступаю порог кабинета, захлопывает дверь, оставляя меня наедине с мужчиной.

Немного растерявшись, обвожу взглядом кабинет, который оказывается куда больше, чем я представляла себе. Передо мной окна во всю стену с потрясающим видом на дневной Денвер. Мы в самом центре города.

Я обвожу взглядом деревянный пол и стены со стеллажами, заполненными книгами. Касаюсь взглядом дипломов на стене и, наконец, у противоположной стены нахожу Ноа, вставшего со своего кресла и медленнодвигающегося ко мне. Его взгляд такой тёплый и родной, будто мы знакомы уже много лет, а не видимся во второй раз в жизни и снова не при самых для меня приятных обстоятельствах. Я как-то неуклюже улыбаюсь, пока он идёт ко мне, и опускаю глаза, едва мужчина оказывается рядом.

Я смотрю на свои чёрные кеды, такие неуместные сейчас. Я вообще выгляжу крайне неуклюже для такого места. Почему-то только сейчас понимаю, что, наверное, стоило переодеться прежде, чем заявиться в офис в центре города, где не одеваются подобно мне. Я оглядываю свои рваные на коленях и сидящие на бёдрах джинсы – бойфренды, слишком

широкие для меня, чёрный топ едва прикрывает грудь, хорошо ещё что сверху надета клетчатая рубашка, но и она не делает мой внешний вид достаточно приемлемым для этого места.

– Рад Вас видеть Алиса, как добрались? – голос мужчины ласкает слух и располагает к диалогу. Наверное, таким должен был голос психолога, приглашающего к доверительной беседе. Но, наверное, и адвокат должен располагать к себе, чтобы ему доверяли свои секреты и дела, о которых не стоит знать другим людям, а порой и власти.

– Спасибо, всё отлично, – нерешительно промямлила я, поднимая голову к мужчине и всматриваясь в глаза, такие добрые, что мне кажется, что я смотрю в глаза моей мамы, хотя это и невозможно. Но что-то в нём трогает меня, и я не боюсь рассказать, о чём молчала долгое время.

– Присядем, и Вы мне расскажите обо всем? Может, чая или кофе?

– Не откажусь от кофе.

Мужчина кладёт руку мне на поясницу, немного подталкивая к креслам напротив его стола, отодвигает кресло и только после того, как я удобно располагаюсь, занимает своё кресло.

– Мэл, принеси нам кофе, пожалуйста, – обращается мужчина по спикерфону к администратору, – ну, рассказывайте Алиса, как Вы? Сколько мы не виделись? Кажется, прошло так много времени.

Его глаза светятся, и мне становится тепло и уютно, будто меня здесь ждали, и я – желанный гость. Я даже на долю секунды ощущаю себя, как дома.

– Да, прошло больше года, – я пытаюсь улыбаться, но на самом деле этот год был одним из самых непростых в моей жизни.

Я обернулась на звук открывающейся двери, рассматривая, как девушка с подносом в руке, раскачивая бёдрами, медленно подходит к столу своего начальника, раскладывает с подноса чашки, сливки, сахар и какие-то пирожные, что обычно предлагаются посетителям в подобной ситуации, и также медленно удаляется. Я так и не могу принять решение относительно того, кем она приходится мужчине, сидящему напротив меня, впрочем, это, наверное, и не моё дело. Беру кружку с горячим напитком, и слегка подув, делаю глоток кофе, который в мгновение заставляет моё сердце забиться быстрее. Очень крепкий кофе, я всё же предпочитаю с молоком. Но улыбаюсь Ноа, повторяющему моё движение и после пары глотков убирающему кружку в сторону.

– Так чем я обязан, Алиса? – переходит к делу мужчина, и вспоминаю, что он – деловой человек, и я просто бездарно трачу его время. Иногда я совсем забываю, что в отличие от меня, другие люди высоко ценят своё время. Я же после того, как перестала работать в авиации, совсем растеряла способность планировать всё до секунды, стала более расслабленной и развязной и порой позволяю себе просто отло-

жить дела на другой день или час, если у меня нет никакого желания выполнять заранее разработанный план.

– Да, – я наклоняюсь к своему рюкзаку, что оставила у стола, и, порывшись в вещах, нахожу конверт, который кладу перед мужчиной, – в нашу последнюю встречу я подписала документы на дом и магазин. Сейчас я хочу продать всё имущество, – мой голос становится более уверенным, потому что я точно знаю, чего хочу, – Вы, наверное, не занимаетесь подобными делами, но Вы единственный, кто знает обо всём. Может, Вы подскажите, к кому я могу обратиться, чтобы продать всё как можно быстрее?

– Могу я узнать о причинах такого решения? Год назад Вы не хотели ничего, а теперь желаете продать всё безвозвратно?

– Просто хочу, чтобы меня больше ничего не связывало с Денвером, оставлю всё здесь и начну новую жизнь без призраков прошлого. Пора сжечь последние мосты.

– А Фабиан знает о Вашем решении?

Мне кажется, что это уже больше похоже на допрос, но в благодарность за помощь не могу не ответить искренностью по отношению к этому мужчине.

– Нет. И ему не обязательно знать, если это возможно, – я смотрю прямо в глаза мужчине: надеюсь, он понимает, насколько это серьёзно для меня.

– Я постараюсь, но ничего не обещаю. Он занимался вашим имуществом этот год, боюсь, что от него не ускользнёт

информация о начале продаж, – Ноа откидывается на кресле, задумавшись, я надеюсь, о том, как мне помочь, а не как в то же мгновение рассказать обо всем Бойлу. Я бы хотела, чтобы он не знал ни о моём местонахождении сейчас, ни о том, что я собираюсь сделать.

– Я понимаю. Так Вы подскажите, кто может мне помочь?

– Я займусь всеми документами сам, мы сотрудничаем с агентством по недвижимости, поручу моим сотрудникам оценить собственность и выставить на продажу.

Я смотрю на него, не понимая, почему он хочет помочь мне, ведь я всего лишь незнакомая ему девушка.

– Вы слишком добры, я не могу возлагать на Вас это пустяковое дело, – от моей решительности не осталось и следа. Он слишком добр ко мне, а я не заслуживаю такого отношения от незнакомого человека.

– Не беспокойтесь, у меня достаточно сотрудников, чтобы они занялись этим. Я сообщу Вам о результате, не беспокойтесь, – Ноа улыбнулся, и я почувствовала, что, наверное, никогда не смогу расплатиться за его доброту. Он совсем меня не знает, но при этом хочет помочь. Не знаю, понимает ли он, почему всё происходит подобным образом, рассказывал ли ему Бойл правду о наших непростых отношениях или оставил всё при себе. Но, в любом случае, Ноа хотел помочь мне, не прося ничего взамен, и я не представляю, как могу его отблагодарить и смогу ли когда-нибудь.

– Спасибо вам большое, не знаю как Вас и отблагода-

ритель, – я неуверенно мну в руке край рубашки и чувствую себя почему-то такой беззащитной сейчас. Я давно не испытывала этого. Рядом с Дэном мне ничего не страшно, ведь он всегда рядом. А сейчас, когда я вернулась в свой мир, мне вдруг стало пусто и одиноко.

– Я рад помочь. Надеюсь, всё будет так, как Вы хотите, Алиса. Вы это заслужили, – улыбается мужчина и встает со своего кресла, намекая на то, что наша беседа подошла к концу. Я подчиняюсь и тоже встаю с кресла, кидаю взгляд на конверт, оставленный на столе.

– Это нам понадобится для оформления сделки, – объясняет Ноа и провожает меня к двери.

Мы пожимаем руки у двери, и Ноа открывает для меня дверь, пропуская в просторное фойе.

– Я сообщу о результатах, – говорит он, когда я вхожу в лифт, и мне остаётся только улыбнуться и помахать рукой.

Возможно, я управлюсь куда быстрее, чем планировала, и смогу вернуться в свою тихую гавань раньше, чем говорила Дэну. Ещё не прошло даже суток с моего отъезда, а я уже соскучилась по нему и хочу поскорее обнять его и оказаться в его объятиях.

Выйдя на улицу, я вдохнула запах летнего Денвера. Как давно я не ощущала этот город, как давно не чувствовала такую близость с мамой и домом. Не знаю, нравится ли мне это ощущение или мне слишком больно, но я определённо всё ещё трепетно отношусь к этому городу.

Прежде чем проститься с этим местом навсегда, я решаю пройти пару кварталов, просто наслаждаясь последними летними деньками. Ещё какие-то пару недель и наступит осень, а за ней и зима. Год пролетает так быстро. Я помню, как совсем недавно, почти в такой же ясный день, сидела с Оливером в парке и слушала о том, что мне стоит изменить свою жизнь. Тогда, смотря на город в лучах летнего солнца, я принимала самое сложное решение в своей жизни и понимала, что проститься с Фабианом для меня сравнимо нанесению самой большой раны в самое сердце. Но по-другому поступить я просто не могла. И сейчас, спустя столько месяцев, я вновь нахожусь в городе, где оставила все свои мечты на наше «долго и счастливо». Город дышит моим разбившимся сердцем, он ощущает всю боль до сих пор, и я понимаю, что не смогу находиться здесь слишком долго: он легко сможет поглотить меня и вновь затянуть в водоворот непрощенных мыслей о том, почему же у нас ничего не получилось, несмотря на мою любовь.

И пусть свой маршрут по городу я разработала почти сразу, мне нравилось думать, что я иду куда-то бесцельно, просто впитывая в себя, возможно, в последний раз, этот город. С его заторами на дорогах, с вечно спящими людьми в тени деревьев, беспечно попивающими кофе в кофейнях студентами и молодыми мамочками. Я же чувствовала себя какой-то другой, будто я уже принадлежу другому месту и больше не являюсь частью этого мира. Мне даже немного

грустно, что это стало именно так, но, с другой стороны, значит, я действительно смогла оставить в прошлом свою старую жизнь и начать всё с чистого листа.

Я остановилась у невысокого дома и подняла голову, отсчитывая 4-ый этаж и вглядываясь в окна. Конечно, я не увижу так знакомую тень, но маленькая надежда во мне всё же жила.

На память я набрала пароль на входной двери и распахнула её на себя, пропуская холод из холла на улицу. Несколько этажей, и я замерла возле двери с такой знакомой табличкой. Рука неуклюже дрогнула прежде, чем я позволила себе постучать в дверь, но, набравшись смелости, всё же сделала это и затаила дыхание в ожидании: откроют ли мне или нет.

Дверь распахнулась прежде, чем я успела подумать над тем, что сказать. И я в первый раз за долгое время не находила слов.

Передо мной стояла часть моей души, и я не верила, что потеряла этого человека по собственной глупости. В дверях стояла немного уставшая, с взлохмаченными волосами и в грязной белой футболке под джинсовым комбинезоном, застёгнутом на одном плече, Анна. На руках сидела малышка с широкой улыбкой, измазанной каким-то пюре странного оранжевого цвета, Ханна.

Мы молчали. Я осматривала Анну с ног до головы и снова и снова впитывала в себя её нынешний образ, который ещё больше подходил ей. Такая настоящая она сейчас была.

Она же вместе с малышкой осматривала меня, и я не знаю, что видела в их взгляде.

– Привет, – нерешительно нарушила молчание я и потупила взгляд в пол, увидев осуждающее выражение лица у Анны. Наверное, я зря пришла без предварительного звонка.

– Заходи, – сказала она с нескрываемым гневом, но всё же пропустила меня в квартиру и громко хлопнула дверью позади меня. Она отпустила малышку с рук и прошла в гостиную, видимо, приглашая меня следовать за ней. Я нерешительно двинулась вперёд, следя за Анной и пытаюсь понять, с чем я сейчас столкнусь: с любовью или ненавистью с её стороны.

– Давненько тебя не было, – Анна развернулась ко мне лицом и сложила руки на груди, явно ожидая моего ответа. Но я не знала, что сказать, и не представляла, как себя вести. Мы, правда, перестали поддерживать связь несколько месяцев назад. Я пыталась смириться с тем, что сама вычеркнула близкого человека из жизни, но тогда это казалось правильным. Ведь мы находились в разных частях земли. А потом я вернулась в Штаты и не стала никому ничего говорить, решив, что смогу остаться в своём новом мире и никогда не соединять его со старыми воспоминаниями и людьми. Да, я была неправа, но тогда это казалось логичным и верным решением. Сейчас же, смотря на Анну, я совсем не считаю это таким уж нормальным.

– Прости, – единственное, что я могу выдавить из себя, чувствуя себя провинившимся ребёнком перед строгой ма-

мой. Я не решаюсь поднять глаза на Анну, понимая, что я была неправа и вряд ли смогу заслужить прощение.

– Это всё, что ты можешь сказать? «Прости»? – голос Анны срывается на визг, и я морщусь от этого звука.

Мы никогда раньше не ругались с ней, и поэтому эта сцена кажется нереальной.

– Я не знаю, что ещё сказать. Мне жаль, – я нерешительно поднимаю взгляд на Анну, ища в её глазах прощение и принятие. Но в них лишь полыхает пламя злости.

– Ей жаль, – усмехается она, – и мне жаль, что моя лучшая подруга оказалась эгоистичной сукой, не способной сохранить годы дружбы, – кричит Анна, и я в первый раз слышу от неё подобные слова. Но она права: я действительно такой и являюсь и, наверное, не заслуживаю её прощения, и мне вообще не стоило приходить сюда.

– Ты можешь злиться, просто я хотела тебя увидеть, раз прилетела в город.

– Ты позволяешь мне злиться? – выпучивает глаза она и подходит ближе ко мне, и я будто съежилась от её взгляда и того, как она близко находится от меня. Я могу видеть, как раздуваются её ноздри, а краска прилила к лицу от гнева.

– Я не это имела в виду, – потираю переносицу я, стараясь отогнать наступающую мигрень от избытка эмоций и негативной энергии, которая сыпется от Анны, как из рога изобилия, – если ты хочешь, чтобы я убралась из твоей квартиры, отдай, пожалуйста, ключи от моего дома, и я оставлю

любые попытки увидеться с тобой, – мне кажется, я практически шепчу, боясь новой волны злости Анны.

– Так ты просто приехала за идиотскими ключами?

– Нет же, – нетерпеливо выпалила я, стараясь казаться спокойной, но на самом деле скрывать эмоции мне теперь гораздо сложнее, – я хотела извиниться и увидеться. Я в городе на пару дней и не могла не приехать к тебе, – говорю я, стараясь донести свою мысль до Анны, но не уверена, что она всё ещё в состоянии слышать меня.

Девушка удаляется к комоду под телевизором, и я не успеваю понять, как в меня летит ключ.

– Забирай свой ключ и уходи, – говорит она чуть спокойнее, и, если бы не глаза, я поверила бы, что Анна действительно хочет того, о чём говорит. Но в её глазах стоят слёзы, и мне жаль, что всё дошло до этого. Я правда не хотела разрушать многолетнюю дружбу, но, к сожалению, не смогла её уберечь.

Я плетусь в коридор и замираю возле двери, взявшись за ручку, оборачиваюсь к Анне.

– Мне правда очень жаль, прости меня. Я люблю тебя, я буду в городе пару дней и хотела бы, чтобы мы поговорили. Но если нет, я понимаю. Прости, – повторяю я и выхожу в пустынный коридор, захлопывая за собой дверь. Я не ожидала ничего другого, но, наверное, зная Анну, думала, что это будет в более мягкой форме, и она не выгонит меня из своей квартиры. Надеюсь, что хотя бы из жизни она ещё ме-

ня не выкинула. Я до последнего буду надеяться на то, что однажды Анна меня простит и найдёт в себе силы поговорить со мной обо всём. А пока единственное, что я могу сделать, это оказаться в доме моих воспоминаний и собрать вещи прежде, чем навсегда проститься с городом и своим прошлым.

На дорожке, ведущей к дому, валялись опавшие листья, и я неожиданно осознала, как долго не была дома. Остановившись перед входной дверью, я замерла и обвела взглядом весь дом, территорию, покрытую давно не стриженным газоном, выцветшими гномами на клумбах, которых никто не убрал зимой, чтобы краска не потрескалась. Было видно, как давно никто не ухаживал за этим местом, и от этого сердце с болью сжалось. Я потеряла мать 10 лет назад, год назад лишилась отца и сестры, так и не смирившись с болью от первой самой большой потери в моей жизни. Теперь я абсолютно одна и не знаю, могу ли рассчитывать на кого-то, кроме себя. Я люблю Дэна, я счастлива с ним, но всё ещё не могу доверять так, как делала это раньше. Я не могу и любить его так же, как когда-то любила Фабиана. Говорят, что любовь каждый раз разная, и я думала, что с каждым разом любовь будет сильнее, и с моим мужем я буду знать, что я никого не любила сильнее, чем его в своей жизни. Вот только сейчас, рядом с Дэном, я вынуждена признавать, что мои чувства к нему пусть и сильны, но Фабиана я любила совсем иначе. Я отдала бы за него жизнь, душу и сошла бы в ад,

лишь бы быть рядом с ним. Не уверена, что ради кого-то ещё в своей жизни я бы сделала подобное.

Дверь непривычно скрипнула, поддавшись ключу, и в дом проник свет от фонарей с улицы. Я ехала всю ночь, чтобы оказаться здесь и почувствовать себя хотя бы на мгновение дома. Но я не ощущала ничего, кроме одиночества. На полу и полках с книгами в коридоре лежала пыль. Я щёлкнула по выключателю возле двери, и несколько лампочек тут же перегорели, так и не начав работать. Осталась гореть одинокая лампочка в коридоре, и я, не раздеваясь, прошла в дом. Здесь всё кричало о забвенье, запустенье и том, что свет и жизнь давно ушли из этих стен, оставив только разочарование и боль. Я поморщилась от холода.

Неожиданный звук моего телефона вывел меня из грустных размышлений, и я, не глядя на экран, нажала «принять вызов» и поднесла телефон к уху, поднимаясь на второй этаж.

– Я соскучился, – вместо привычного приветствия услышала я в трубке и улыбнулась такому началу разговора с Дэном.

– И я, надеюсь, скоро буду рядом.

Я толкнула ногой дверь своей спальни, и в воздух поднялась пыль, заставляя меня громко закашлять.

– Ты где? – прокричал в трубку мужчина, пытаясь перебить мой кашель.

– Доехала до дома, здесь давно никто не был, – я распах-

нула окно, впуская свежий воздух и утирая свободной рукой слёзы, выступившие на глаза от неожиданного сильного кашля.

– Твоя сестра не ездила туда?

– Видимо, нет, хотя я не удивлена. Она не желает иметь ничего общего со мной, – я попыталась сказать это как можно равнодушнее, но знаю, что не смогу убедить в этом ни себя, ни Дэна. Он прекрасно знает, как больно мне оказалось прощаться с Евой и любой возможностью восстановить отношения.

– Что планируешь делать? – решил сменить тему он, за что я была искренне благодарна.

– Хочу собрать вещи в коробки, выкинуть ненужное, и освободить дом, чтобы подготовить к продаже. Надо всё вымыть и вычистить.

Я стянула покрывало с моей кровати и бросила на пол. Мне хотелось лечь спать и проснуться снова в Вегасе, пережив эти дни как можно быстрее. Мне нужно было вернуться в спокойный мир к Дэну и его заботе, чтобы навсегда перестать думать о прошлом. К сожалению, чем дольше я нахожусь в своём прошлом, вдали от Дэна, тем больше возвращаюсь мыслями к Фабиану и нашему неудавшемуся прошлому. А это очень плохо для моей и без того истерзанной души.

– Может, просто наймёшь людей, а сама вернёшься домой?

– Я бы хотела, но ты же понимаешь, что здесь много вещей

мамы, которые я не могу доверять никому. Но я постараюсь как можно быстрее закончить здесь и прилететь к тебе.

– Я буду ждать. И Алиса, – Дэн сделала долгую паузу так, что у меня перехватило дыхание, – надеюсь ты знаешь, что я люблю тебя.

Я громко выдохнула в трубку и прикрыла глаза от удовольствия, каким эти слова разливаются по моему телу, даря успокоение.

– Конечно, и я люблю тебя, – на одном дыхании выдаю я, хотя уверена, что Дэн и без того прекрасно осведомлён о моих чувствах к нему.

– Просто помни об этом. Знаю, тебе тяжело сейчас, и дом навеивает плохие воспоминания, но не позволяй прошлому забрать тебя у меня, – его голос меня немного пугал, но я знаю, о чём он говорит. Дэн даже на расстоянии чувствует то, как меня поглощает этот мир моих ошибок и разочарований, и что я перестаю быть собой, когда я далеко от него.

– Хорошо, – шёпотом говорю я.

– До завтра, – прощается Дэн и, не дожидаясь моего ответа, вешает трубку.

Вся тяжесть этого дня неожиданно падает на мои плечи, и я ощущаю, будто тонна ошибок свалилась сверху и придавила меня к земле, не позволяя пошевелиться. Я стою несколько минут в тишине заброшенного дома, пытаюсь унять бешено бьющееся в груди сердце.

Когда я наконец отмираю, на часах показывается цифра

4:03.

Наспех принимаю душ, стараясь смыть с себя дорогу, надеваю любимую пижаму, которая лежала на привычном месте в верхнем ящике моего комода, и ложусь в кровать. Старые, пахнущие мной простыни, дарят ощущение того, что я маленькая девочка, вернувшаяся к себе домой, где всё, как и всегда. Привычная обстановка, мой дом, мои игрушки и даже запах становится похожим на родной, но немного забытый. Я прикрываю глаза, прижимая к себе белого плюшевого зайку, как делала в детстве, и надеюсь, что сон заберёт меня. После такого дня мне просто необходимо отключиться и проспать несколько часов.

Уже не знаю, сплю я или нет, но мне нравится ощущение, что я испытываю. Так спокойно на душе. В глаза попадает яркий свет, но я морщусь, желая отогнать лучи утреннего солнца от себя, переворачиваюсь в постели, всё ещё пребывая во сне. Я втягиваю носом запах, что меня окружает. Он какой-то другой, но ещё более родной, в нём я бы могла находиться вечно. Он обволакивает меня и заставляет расслабиться. Я чувствую себя дома, под защитой, и мне не нужно больше бояться. Чувствую, что улыбаюсь во сне, потому что мне нравятся эти ощущения, только не понимаю, откуда они взялись. Возможно, так на меня влияет присутствие образа мамы совсем рядом, а может я так устала, что мозг наконец отключился, и даёт мне отдохнуть. Я не хотела бы просыпаться от этого идеального сна. Сильнее притягиваю

к себе зайку и морщусь от ещё более яркого света, стараясь увернуться от него. Но это невозможно. Тянусь рукой к окну, чтобы задёрнуть шторы, и снова погружаться во мрак, такой удивительно приятный и дарящий свободу. Но вместо холодных стен мои пальцы нащупывают что-то тёплое и мягкое. Я резко одёргиваю руку, и открываю глаза.

– Не думал, что мы начнём с этого, но продолжай, – насмехающийся голос мужчины заставляет меня вскрикнуть от ужаса и вскочить в кровати, прижимая к себе плюшевую игрушку. Я ещё не понимаю, где я нахожусь, но теперь это больше похоже на мой самый страшный кошмар.

Глаза постепенно привыкают к свету, и только когда он видит, что я приняла реальность, убирает телефон с включённым фонариком в задний карман, погружая нас в темноту ночи. Я снова пытаюсь привыкнуть, но теперь к темноте, и молюсь, чтобы это был лишь страшный сон. Ведь это всего на всего разыгравшаяся фантазия, ведь не может быть, чтобы это было правдой. Но мои надежды тщетны.

– Скажи что-нибудь, малышка, я долго ждал этой встречи, – зло цедит он сквозь зубы и садится на край кровати, заставляя меня сжаться и практически слиться воедино с деревянным подголовником односпальной кровати.

– Что ты здесь делаешь? – мой голос дрожит от страха. Я понимаю, что это не закончится ничем хорошим для меня. С трудом сглатываю и сжимаю дрожащими пальцами зайку в руках, в надежде, что он сейчас превратится в прекрасного

принца и спасёт меня. Но мой прекрасный принц уже давно стал самым ужасным монстром из фильмов ужасов и теперь смотрит на меня самым хищным взглядом, что я когда-либо видела в жизни.

– Пришёл за тобой, малышка, – тянется он ко мне и, не знаю, какие силы заставляют меня ожить, но я начинаю кричать, пусть и понимаю, что никто меня не услышит, но это как минимум напугает Фабиана настолько, чтобы остановиться и посмотреть так, как сейчас он начинает смотреть на меня. Он испугался моей реакции на него.

– Не трогай меня, – молю я и тяну на себя одеяло, стараясь спрятаться за ним. На мне лишь короткие хлопковые шорты и ничего не прикрывающая майка.

– Зачем ты так? Я же не маньяк какой-то. Я просто хочу поговорить, – его голос становится ниже и вкрадчивее, стараясь возбудить во мне старые ощущения и любовь к этому мужчине. Но он потерял мои чувства своим враньём и недоверием. Я не куплюсь на сладкие речи и добрый голос, слишком хорошо знаю, что он умеет притворяться лучше актёров с премией «Оскар».

– Ты уверен? Это ты не маньяк? Ты сидишь на кровати в моей комнате – это явно попадает под пару статей, ты совсем больной. Как ты вообще сюда попал?

– У меня есть ключ, – объясняет он, показывая мне ключ, достав его из кармана джинс, – так что никакого незаконного проникновения.

– Что ты делаешь в моей спальне?

Я совершенно не намерена с ним разговаривать, но Фабиан точно выгадал момент, чтобы подловить меня. Я не до конца пришла в себя от этого сна и теперь не могу рассуждать логически. К тому же, я так и не поспала, чтобы принимать какие-то решения. Я просто устала, чтобы что-то делать.

– Ты так сладко спала, и я не хотел тебя будить, – оправдывается он, но на его лице опять улыбка, и я знаю, что это всё неправда.

– Именно поэтому светил фонариком? Чтобы я не проснулась?

– Я скучал по тебе, вспоминал, какая ты идеальная.

– Ты точно больной, вали из моего дома, – пытаюсь как можно злее сказать я и толкаю мужчину ногой в бок, чтобы заставить его встать с кровати и уйти из моей жизни, ну или как минимум из этой комнаты, этого дома.

– Алиса, – его голос такой низкий, и я засматриваюсь в его чёрные глаза, которых в темноте комнаты практически не видно, но они прожигают во мне такую дыру, что мне не нужно видеть их. Боюсь, что тогда я точно пропаду в аду своих воспоминаний, – не делай этого, я пришёл за тобой, – он перехватывает мою ногу и прижимает к кровати. У меня нет достаточного количества сил, чтобы сопротивляться ему. Фабиан проходится пальцами от щиколоток вверх и сжимает с силой бедра, заставляя меня прикусить

губу до крови. Я не должна это чувствовать. Но как заставить не чувствовать это дурацкое тело.

– Не трогай меня, – молю я шёпотом, потому что не могу перестать дрожать от его прикосновений.

Фабиан вытягивает меня на кровати и наваливается сверху, причиняя боль, и я заставляю себя начать вырываться. Он наклоняется ниже, и его губы касаются обнажённой кожи шеи и ключицы, и я не могу скрывать того, как по телу пробегает дрожь от его прикосновений.

– Моя малышка, я так скучал, – его голос проникает в меня, и я закрываю глаза, пытаюсь отогнать это наваждение. Это всего лишь сон, – почувствуй, как ты реагируешь на меня. Нужно ли что-то говорить, моя девочка, – шепчет он мне на ухо, устраиваясь на мне, думая, что я сдалась. Его губы прикусывают кожу на шее, и я непроизвольно выгибаюсь от силы обрушившегося на меня чувства. Его губы рисуют дорожку вверх, и вот он заглядывает мне в глаза, ища в них любовь, которая когда-то жила во мне. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, и я вижу в его глазах огонь победителя и наконец понимаю, что для него это всё ещё игра. А я просто выигрыш, ради которого он готов сделать всё, что угодно, даже уничтожить меня.

Не знаю, откуда, но я беру в себе силы, и резко пинаю его между ног, сбрасывая с себя и с кровати. Вскикиваю и бегу в ванную, захлопывая за собой дверь и переводя дыхание.

Не так я представляла себе эту ночь в доме своего детства.

Я включаю свет и осматриваю себя в зеркале. Глаза горят безумным огнём, грудь покрылась красными пятнами от возбуждения и желания, я не могу успокоить бешено бьющееся сердце и перевести дыхание.

Раздаётся стук в дверь, и я вздрагиваю, цепляясь пальцами за холодную столешницу у раковины.

– Алиса, открой, давай поговорим, – слышу голос Бойла, но знаю, что мне не стоит верить ни единому его слову.

– Фабиан, ты больной. Уходи, оставь меня навсегда, – кричу я, поворачиваюсь к двери и вижу его по ту сторону в своём воображении. Как спутались его чёрные волосы, а безумные чёрные глаза ищут меня сквозь запёртую дверь. Я не успела разглядеть, во что он одет, но это и не требовалось. Моё тело и без того запомнило его джинсы и лёгкую футболку, сквозь которую я чувствовала его сердце. Ещё немного, и я могла бы дотронуться до него. Когда-то у меня была возможность коснуться его сердца, но он слишком быстро закрылся от меня, так и не решившись быть со мной откровенным. Теперь слишком поздно. Я больше не та, что любила его когда-то.

– Алиса, – зовёт он, и его голос задевает те струны моей души, что ещё принадлежат ему, и рука невольно ложится на ручку двери, но я не решаюсь её повернуть, – я люблю тебя.

Рука дёргается от ручки, будто она раскалённая, как лава, и я закрываю глаза, отходя к противоположной стене. Нет, он не говорил это. Это всего лишь дурной сон. Мне необходимо

проснуться.

Я пытаюсь очнуться от этого кошмара, который так непрощено ворвался в мою безмятежную жизнь. Целый год я была далеко от него, была счастлива, и Фабиан не пытался со мной связаться, я ему была не нужна. А теперь всё снова. Это просто игра, в которой он не умеет проигрывать. Он не смирился, что я больше не его, он не может отпустить боль, потому что только она им и руководит по жизни. Никакой любви и привязанности, лишь желание подчинить и причинить боль. Я больше не могу верить ему, да и вряд ли когда-то стоило.

– Ты слышишь меня? – он громко стучит в дверь, и я боюсь, что он может её сломать – последнюю преграду между его ложью и моей доверчивостью. Надеюсь лишь на то, что, кроме двери – нашей преграды, я всё же научилась самообладанию и не позволю ему снова использовать меня в своих извращённых играх.

– Я люблю тебя, малышка. Я никому тебя не отдам, – кричит он через дверь, продолжая в неё бить, что пугает меня ещё сильнее, и я сглатываю, боясь, что он выбьет дверь, и мне уже будет нигде не скрыться.

Не знаю, сколько он продолжает бить в дверь, но неожиданно стихает, и я наконец открываю глаза.

– Я вернусь за тобой, Алиса, – говорит он абсолютно спокойно, и я слышу шум удаляющихся шагов. Не понимаю, что заставило его отступить, впрочем, это не имеет значения.

Лишь спустя несколько минут я позволяю себе оторваться от столешницы и открыть дверь. В доме тихо и снова спокойно. Вот только не у меня в сердце. Я не могу находиться рядом с этим мужчиной, не могу перестать чувствовать к нему самые невыносимые эмоции – те, что причиняют мне боль. Прошёл целый год, у меня есть тихая гавань, и я люблю Дэна, я знаю это наверняка. Но я не переставала любить Бойла, как бы ни старалась. Каждое его появление в моей жизни возвращает меня в воспоминания, когда я была счастлива рядом с ним. А я была, хоть и недолго.

Больше не решаюсь вернуться в свою спальню и опускаюсь на диван в гостиной, укрываясь пледом и закрывая глаза в надежде уснуть. Но это уже невозможно. Я боюсь, что снова проснусь, и рядом будет он – разрушитель моей жизни.

Но ещё больше я боюсь, что, когда я проснусь, его не будет рядом, а это окажется лишь моим безумным сном. Его слова, прикосновения и желание, которое невозможно было скрыть. Во мне есть силы сопротивляться ему, но нет сил обманывать себя и говорить, что я безразлична к нему. Нет, боюсь этого не случится никогда. Чтобы я ни говорила, как бы ни просила, мне не удастся навсегда изгнать его из моего сердца. Может быть только из жизни. Я молюсь, чтобы он воспринял мои слова всерьёз, и правда исчез навсегда из моей жизни, чтобы не бередить старые раны.

Вот только Фабиан Бойл не из тех, кто может сдаться. А я дала ему возможность узнать, что всё ещё трепещу от его

прикосновений и слов, что всё ещё принадлежу ему против своей воли.

Глава 6

Я вышла на дорожку у дома и оглянулась. Кажется, я целую вечность назад приехала домой, чтобы разобраться со своими демонами прошлого и навсегда оставить здесь свою боль за совершенные ошибки. Не думала, что это займёт куда больше времени, чем я планировала изначально. Под ногами шуршали опавшие листья, и я вдруг осознала, что наступила настоящая осень. Я задержалась дома на три долгие недели, вместо обещанных себе трёх дней. Но оказалось, что у меня есть, что выкидывать из своей жизни, гораздо больше, помимо Фабиана Бойла. Только вчера я наконец закрыла последнюю коробку вещей, собранных на кухне, и оглядела пустой дом.

Раньше я не думала, что в таком большом доме хранится вся моя жизнь, но, когда я прошла по пустым комнатам, он оказался огромным. В каждом уголке были мои воспоминания, мои мысли и мечты, оставленные здесь навсегда. Двери, в которые я постоянно врзалась, пробитые стены, в которые мы с отцом попадали мячом, играя в доме, а мама кричала на нас, выгоняя на улицу. Пятно на ковре в гостиной, когда долго готовящаяся индейка на день Благодарения упала прямо перед подачей с блюда, и как смеялась мама из-за своей неуклюжести. В тот праздник мы ели заказанную китайскую еду, и я не чувствовала себя счастливее, чем тогда. Прошла

целая вечность с того дня. Я прошла по пустым комнатам, касаясь то штор, то подоконников, стараясь оставить в памяти только хорошее, что связано с этим домом. Но здесь было так много боли и разочарования, прощаний. Здесь были поминки мамы, когда я не могла заставить себя плакать, и здесь я простилась с отцом, не способная простить его за ошибки прошлого. В своей спальне я проснулась в мой первый день после изнасилования, и здесь я поклялась быть сильной и никогда не сдаваться перед лицом трудностей, ведь они делают меня только сильнее. Это так, вот только иногда быть сильной – вовсе не хорошо.

Я подняла голову к моему окну и мысленно попрощалась со всем, что было мне так дорого в этом месте. Закрывает дверь на ключ, хотя новые хозяева и сменят его, но это было своеобразным ритуалом: я закрывала своё прошлое на замок и собиралась больше не возвращаться к нему никогда.

Три недели. Даже не думала, что всё так затянется. Но Ноа настоял, что я должна разобраться с документами и продажей прежде, чем уехать, иначе это может стать проблемой. Мы с Дэном договорились, что я вернусь домой, как только сделки по продажам будут завершены. Магазин продали быстро, а вот с домом были проблемы. Пришлось вложиться, чтобы починить проводку, которая оказалась повреждённой, а также наладить водоснабжение, провести более хороший интернет и подключить кабельное. Только с полным пакетом милая супружеская пара, ожидающая появления малы-

ша, фамилии которых я не запомнила, купили дом. На моём счету оказалась кругленькая сумма на непредвиденные обстоятельства, а может, на нашу безбедную старость с Дэнном. Впрочем, деньги меня не волновали, я была лишь рада, что мне удастся избавиться от всего этого. Теперь возвращаться будет некуда. Только вперёд – в ту жизнь, о которой я всегда мечтала, но боялась, что не может быть всё хорошо, а обязательно случается что-то плохое. Но теперь я хочу верить, что впереди только лучшая жизнь.

Таксист посигналил мне, и я обернулась на громкий звук, отдающийся в ушах. Я правда слишком задержалась, чтобы попрощаться с этим местом. В последний раз обернулась к дому, произнося шёпотом прощальные слова. Холодный ветер коснулся голых ног, и я поморщилась от неприятного ощущения. Я слишком легко оделась для середины сентября. Нашла старое спортивное платье на тонких бретелях нежного розового цвета и решила, что это то, что нужно. Я и забыла, что не в Вегасе. Меня немного спасала одетая джинсовка, но боюсь, что и она не будет в состоянии поддерживать нужную температуру. Я запрыгнула в такси, увозящее меня от дома, который, надеюсь, для кого-то станет семейным гнёздышком. Ведь я была там счастлива. Иногда – точно была.

– Привет, уже еду к тебе.

Ответила я на звонок прежде, чем Дэн успел что-то мне сказать, и рассмеялась от его растерянности и неспособности

мне ответить так же быстро.

– Безумно соскучился, Лис. Встречу тебя в аэропорту, – его голос, такой родной, дарил мне умиротворение и спокойствие. Я была рада, что наконец снова окажусь рядом с ним.

– Я еду в аэропорт, через несколько часов буду дома, безумно хочу тебя увидеть.

– Ты всё закончила?

– Да, утром подписали бумаги, теперь, официально, я бездомная, – рассмеялась я в трубку и покосилась на таксиста, смотрящего на меня в зеркало перед ним. Он вряд ли видел когда-нибудь таких радостных бездомных девушек, но это действительно радовало меня. Теперь я свободна.

– Мой дом рядом с тобой, где бы это ни было, – чуть понижает голос Дэн, от чего по спине пробегает дрожь возбуждения. Я так давно не целовала его, не касалась, что теперь даже его голос возбуждает меня, а предвкушение скорой встречи ещё больше распаляет желание. Не думала, что три недели окажутся таким тяжёлым испытанием для меня. После того ночного наваждения в лице невыносимого Бойла я ещё несколько дней боялась засыпать в собственной кровати и перед сном проверяла, нет ли кого за окнами. Но больше всего меня мучало то ощущение внутри живота, что родили его руки. Не хотела себе признаться в том, что испытала в то мгновение, когда он сжимал мои бедра и прижимал к кровати своим телом. Мысли об этом не приносили ничего хорошего в мою жизнь, только спустя неделю мне удалось

выкинуть из головы это наваждение.

– Ты помнишь рейс, которым я прилетаю?

– Конечно, буду ждать тебя, любимая.

– До встречи. Люблю тебя, – прощаемся мы с Дэном, и я убираю телефон в небольшую сумку, висящую у меня на плече. И оборачиваюсь в окно, наслаждаясь яркими красками осени. Уже сентябрь, мне 26 лет, и впереди столько всего интересного. У меня замечательная жизнь, несмотря на всё плохое, что было. Но я выжила и смогла справиться с этим. Разве можно быть не благодарной за то, что у меня есть так много, и я счастлива?

Таксист затормозил у входа в аэропорт и помог с вещами. Я приехала сюда с одним чемоданом и сумкой, сейчас уезжаю с полупустым чемоданом и той же сумкой: решила, что ничего не хочу забирать из своего прошлого, и всё, что надо, у меня есть. Оставив в коробках привезённые вещи, я тщательно сложила в небольшой чемодан старые фотоальбомы – единственное, что мне хотелось забрать, и я с лёгкостью променяла своё барахло на счастливые воспоминания о моей семье. Дэн хотя бы так сможет познакомиться с моими мамой и папой, без которых моя жизнь изменилась до неузнаваемости.

Я вошла в здание аэропорта и вновь почувствовала безумную тоску по ушедшим дням. Именно в этом аэропорту 10 лет назад я начала работать, здесь я полюбила самолёты и авиацию, здесь я почувствовала себя значимой и необхо-

димой – всего лишь винтиком в большой сложной системе, но без которого невозможна дальнейшая работа. Мне всегда нравилось ощущать себя нужной для чего-то большого, и именно в этом аэропорту я ощутила себя счастливой в первый раз просто потому, что я такая, какая есть.

Здесь ничего не изменилось с моего первого дня в стенах этого места. Те же стойки регистрации, те же рестораны и кафе. Конечно, изменились люди, но атмосфера аэропорта всегда одна и та же. Предвкушение путешествия, даже недолгого, но оно всё равно живёт где-то внутри тебя. Мне нравится смотреть на людей, счастливых и не очень, но идущих навстречу новому приключению, даже если это и просто перелёт длиною в тридцать с лишним минут.

Я замерла, крутясь на месте, впитывая в себя эту атмосферу, ведь с того момента, как я улетела в Сидней, можно считать, что авиация ушла из моей жизни. Мы очень быстро начали встречаться с Дэном, и я ушла с головой в эту новую жизнь. Единственное, что возвращало меня обратно в работу, это возможность помогать организовывать перелёты для группы, но это не тоже самое, что работать с пассажирами и экипажами, каждый день смотря за прилётами и вылетами. Иногда я очень скучаю по аэропорту и тому, кем я была в той жизни.

Наверное, со стороны я смотрелась очень глупо, стоя на месте и просто крутя головой, рассматривая всё вокруг меня. Наверняка, люди думают, что я в первый раз в аэро-

порту. Многие и не представляют, какая насыщенная жизнь в этом месте. Именно поэтому оно такое волшебное: здесь отдельный мир внутри огромного за его пределами.

И только голос по громкой связи заставил меня вернуться в реальность. Регистрация на мой рейс заканчивалась, и мне стоило поспешить на стойку, чтобы сдать мой чемодан.

– Добрый день, Вы летите бизнес-классом? – спрашивает меня улыбающаяся девушка, едва я останавливаюсь у стойки и протягиваю ей паспорт.

– Да, – улыбаюсь я и наклоняюсь, чтобы поставить свой чемодан на ленту, но сильные пальцы обхватывают мою руку, и моё сердце замирает. Я слишком хорошо знаю прикосновение этих рук. Медленно, не решаясь, я поднимаю взгляд и соприкасаюсь с чёрными глазами, горящими адским пламенем, отчего я с трудом сглатываю.

– Нет, пожалуйста, – прошу я от безысходности, но Фабиан с лёгкостью поднимает мой чемодан и выгружает на ленту, осматривая меня так, что под его взглядом я чувствую себя некомфортно, будто голая.

– И я рад тебя видеть, малышка, – улыбается он, вставая рядом со мной и не обращая внимания на замершую за стойкой девушку, рассматривающую его, как богоподобного. Впрочем, я не могу не отметить, что выглядит он и правда восхитительно, как и всегда. Чёрные волосы падают на лицо, чуть закрывая чёрные глаза, которые изучают меня, его губы такие же алые, как я помню, и кажется, что его

недавно кто-то целовал, но я не хотела бы думать об этом. На мужчине чёрная кожаная куртка, под которой простая чёрная футболка с круглым вырезом, обтягивающая его рельефный живот, и я сочувствую девушке за стойкой, что она не может видеть этот идеальный пресс, а ведь я точно знаю, насколько он идеальный. Чёрные джинсы обтягивают его, и я нервно сглатываю вновь, но уже не из-за того, что он так не вовремя ворвался в мою жизнь. Я покрываюсь румянцем и чувствую, что начинаю гореть под его взглядом.

– Вам у окна или у прохода? – выводит меня из ступора голос девушки, тоже только очнувшейся от этого наваждения, и я наконец начинаю дышать.

– А? – оборачиваюсь я к ней, отводя взгляд от Фабиана, на что слышу его смех и непроизвольно и больно бью его кулаком в плечо так, что мужчина всего на мгновение затихает, а затем начинает смеяться громче, так что я вижу появившуюся на лице девушки улыбку.

Да, если захотеть, Фабиан может быть милым и соблазнительно привлекательным, вот только никогда не стоит попадаться на эту удочку. Он – змей с холодной душой и непробиваемым сердцем.

– У прохода, – резче, чем планировала, говорю я и жду несколько секунд прежде, чем краснеющая девушка отдаст мне паспорт и посадочный. Я не смотрю на Бойла и делаю всё возможное, чтобы не замечать его присутствия, хотя его смех ласкает мой слух: я так давно не слышала, как он сме-

ётся. Я резко выхватываю свой паспорт и посадочный с приклеенной багажной биркой и, не простившись, практически отбегаю от стойки, оставляя Бойла одного. Я ускоряю шаг, надеясь, что он не последует за мной. Умоляю себя не оборачиваться и не проверять, пошёл ли он за мной. С силой стискиваю кулаки, чтобы не поддаваться искушению и не увидеть его ещё раз.

– Подожди, куда ты бежишь? – хватает меня за руку Бойл и останавливает так, что я по инерции лечу на него и врезаюсь с силой в него, самодовольно ухмыляющегося.

– Я спешу на свой рейс, меня ждёт любимый мужчина, – говорю я, стискивая зубы, чтобы не раскричаться за это появление.

Три недели назад он явился в мой дом, а затем пропал. И вот снова появляется, будто всё это нормально, и мы просто обязаны разговаривать. Но это совсем не так. Ничего не изменилось за это время: я всё так же не намерена иметь что-то общее с этим невыносимым самовлюблённым мужчиной.

– Отпусти меня, – я пытаюсь выдернуть руку из его хватки, но лишь причиняю себе боль, от чего морщусь, и перестаю пытаться вырваться – это всё равно кажется абсолютно бесполезным.

– Я просто хочу поговорить, малышка.

– Не называй меня так, – мой голос срывается на крик, и я снова предпринимаю попытку вырвать руку, но всё так же

безуспешно, – нам не о чем говорить. Всё было сказано много месяцев назад.

– Не заставляй меня причинять тебе боль, – Фабиан уже не кажется таким милым, как несколько минут назад: его зрачки становятся больше, а глаза ещё более дьявольскими.

Я же знала, что это хорошее настроение продлится недолго, он устанет от маски хорошего человека и снова станет тем, к которому я привыкла. Мрачным, не способным чувствовать и желающим подчинить меня себе.

– Пойдём, – дёргает он меня на себя и тянет за руку так, что едва я предпринимаю попытку вырвать руку, это причиняет мне боль. Но я всё же покорно иду за ним: не стоит устраивать сцену на весь аэропорт, мы и так привлекли слишком много внимания. Хотя, возможно, дело не только в этом: маленькая часть меня, спавшая всё это время, хочет услышать, что скажет Фабиан. Ведь, вероятно, я всё ещё люблю причинять себе боль. А может, моей надежде суждено умереть здесь и сейчас, чтобы уже окончательно оставить всё в прошлом. Не знаю, что мной руководит, но я послушно иду за ним, переставая сопротивляться. Лишь когда мы подходим к двери туалетной комнаты для инвалидов, начинаю сопротивляться с новой силой и уже набираю побольше воздуха в лёгкие, чтобы начать кричать, но Фабиан вталкивает меня в просторное помещение и щелкает замком, оставляя меня наедине с собой. Я громко нервно сглатываю, понимая, что деться мне некуда, и он, преобладавая силой, мо-

жет сделать всё, что угодно, а взгляд этих безумных чёрных глаз кричит, что я попалась, и мне не спастись, мне не уйти отсюда живой.

– Я не могу опоздать на рейс, – единственное, что кажется хоть немного важным, слетает с моих уст, и я вижу, как на лице мужчины расплывается самодовольная улыбка.

– Его задерживают на пару часов, не опоздаешь.

Я больше не знаю, что сказать. Это единственное, что могло его хоть как-то сдержать, но больше нет ничего, что спасло бы меня. Переминаясь с ноги на ногу, оттягиваю теперь кажущееся слишком коротким розовое платье и боюсь смотреть на Фабиана.

– Что же ты со мной сделала, что я не могу перестать думать о тебе? – разрезает воздух его вопрос, и я не успеваю поднять голову, чтобы посмотреть на него, как Фабиан преодолевает расстояние между нами за секунду, оказывается слишком близко, так что я не могу дышать. Его ладони касаются моего лица, и он заставляет меня посмотреть на него. Это всё так неправильно, но я даже не могу заставить себя вырываться – это всё равно бесполезно. Он обрушивается на меня прежде, чем я успеваю подумать о том, чего бы хотела на самом деле.

Нетерпеливый, жадный, он поглощает меня, не обращая внимания на то, что я не понимаю, что чувствую. Но Фабиану плевать на мои чувства, он руководствуется только своими желаниями. Против моей воли покусывает губы и застав-

ляет отвечать. Или я сама хочу этого и просто не в силах перестать отвечать ему.

Он не останавливается, и вот уже руки больно сжимают мои бедра, вталкивая меня в себя. Фабиан кладёт мою руку на себя и, оторвавшись всего на мгновение, смотрит на покусанные губы, впитывая в себя образ моей капитуляции.

– Малышка, у меня стоит только на тебя, – он вдавливая мою руку в себя, показывая силу своего желания, от чего я морщусь, но, кажется, Фабиан этого не замечает. Он полностью поглощён своей страстью и желанием, совсем не замечая того, что чувствую я. В этом всегда и была проблема: его нисколько не волнуют мои ощущения. Только он, как конченный эгоист.

– Давай, утоли своё желание, только этого ты и хочешь. Показать, что ещё владеешь мной, давай, – рычу я и прикусываю с силой его губу так, что чувствую привкус крови на губах.

Фабиан отстраняется от меня и проводит пальцами по укусу на губах, рассматривает кровь и только потом переводит взгляд на меня. Взлохмаченные волосы, задранное платье и, уверена, безумные глаза. Примерно так я чувствовала себя во время изнасилования: беспомощной и нужной лишь для того, чтобы справить нужду. Это почти ничем не отличается. Разве что когда-то я уважала и любила Фабиана Бойла, но уже не могу отвечать за мои нынешние чувства по отношению к нему. Он смотрит на меня безмолвно,

и это лишь придаёт мне уверенности в правильности моих слов. Я уверенно поправляю платье и вытираю рот рукавом джинсовки, стараясь стереть следы его прикосновений.

– Красиво говоришь, Фабиан, – я распускаю волосы, стянутые резинкой, и снова собираю, поправляя причёску, – «ради моей безопасности». Любовь. Разговоры. Как же много ты врёшь, – почти кричу я, продолжая смотреть на него, практически не моргая, – а тебе всего лишь нужно справиться с нуждой. Перестань верить, что я всё ещё твоя, и найди себе дешёвую подстилку, что не умеет чувствовать. Ты можешь быть только с такими, – кричу я и, задевая Бойла плечом, толкаю дверь уборной, наконец снова оказываясь на территории освещённого заходящим солнцем аэропорта.

Я иду как можно быстрее, но более чем уверена, что он не последует за мной. Слишком поражён открывшейся правдой, теперь он ещё полдня будет переварить, и, может, до него наконец дойдёт, что с дешёвой девкой куда проще, чем со мной. Я точно не для него: слишком много думаю, чувствую и переживаю. Мне, глупышке, нужны эмоции и любовь, а не принуждение и боль.

Замираю возле информационного табло. Ну, хоть в одном он не соврал: мой рейс действительно задерживают на пару часов. Я отправляю Дэну сообщение о вылете и вхожу в просторный бизнес-зал. Прошу налить мне виски, хотя и не планировала пить сегодня. Но этот мужчина вывел меня из игры, и я не представляю, как можно вернуться домой

такой же, как и прежде.

С ним всегда было сложно, даже в счастливые дни мне было невыносимо сложно достучаться до него. Но то, что Бойл вытворяет сейчас, уже не вписывается ни в какие рамки нормальности. Принуждать, практически насилловать, чтобы доставить себе удовольствие. Омерзительно. В моей голове крутятся сказанные им слова, хотя я и не хочу этого. Я рада тому, что могу переживать это внутри себя, по щекам не текут слёзы обиды. Это значит, что я стала выше этого, переросла его отношение ко мне. Теперь я точно знаю, что такое быть любимой, что значит чувствовать безопасность, и ни за что не променяю на минутную интрижку с тем, кто не хочет чувствовать ничего, кроме пустоты.

Только после третьего стакана я начинаю отпускать крутящиеся мысли в голове, и в это время как раз объявляют начало посадки на мой рейс. На немного ватных ногах я прохожу по телетрапу и вхожу в уже заполненный пассажирами салон самолёта. Слежу за цифрами у потолка, замирая возле 5 ряда и ещё не видя того, кто сидит рядом со мной, но чувствую одеколон. Разворачиваюсь, чтобы попросить проводницу поменять мне место, но понимаю, что это бесполезно: бизнес-класс заполнен пассажирами. Мне не остаётся ничего, кроме как опустить взгляд на Фабиана, смотрящего в иллюминатор и не обращающего на меня внимания. Я фыркаю так, чтобы меня было слышно, и усаживаюсь в своё кресло. Кажется, этот день никогда не закончится.

По салону проходят приятные девушки, предлагая напитки, и я практически залпом опустошаю бокал шампанского, тут же возвращая его неуспевшей отойти проводнице. Она, приподняв бровь, осматривает меня, но всё же уходит, так ничего и не сказав. Хорошо, что я уже выпила достаточно виски, чтобы не так остро реагировать на присутствие Бойла рядом со мной.

Но это возвращает меня в нашу прошлую жизнь, когда мы путешествовали по работе, и я вот так сидела рядом с ним, зная наизусть его расписание и планы на ближайшие пару месяцев, хотя и не должна была бы.

– Я просил поменять места, – раздался недовольный голос рядом со мной, и я повернула голову к Фабиану.

– Ну конечно, я тебе верю, – мой сарказм слышится в каждом слове, и Бойл отворачивается от меня, не рискнув больше сказать ничего. Я ведь не должна чувствовать себя виноватой, но он выглядит как выброшенный на улицу под дождь щенок, которого только что избили. Опущенные плечи, грустный взгляд в иллюминатор, осталось только заплакать, чтобы я почувствовала себя тварью. Но это он издевается надо мной и использует, я не должна чувствовать, что обидела его.

Самолёт медленно поднимается в воздух, и я автоматически вцепляюсь в подлокотник. Закрываю глаза и понимаю, что никакой алкоголь не может справиться с моим страхом от полётов. Точнее, от моего страха потерять контроль. Я ис-

пытаваю не просто страх, я прислушиваюсь ко всем звукам, посматриваю в иллюминатор, хотя и понимаю, что от этого только хуже, слежу за изменениями света и пытаюсь выровнять дыхание. Всё удовольствие от алкоголя выветривается, едва самолёт качает в сторону от сильного бокового ветра. Чувствую, как сильная рука легла на мою и сжала. Я не могу не принять помощь, и пусть я не должна быть благодарна сейчас, но чувствую, что Фабиан хочет помочь. Я разжимаю пальцы, и мы переплетаем их. Я не вижу, только чувствую, как он смотрит на меня и на наши руки, соединённые сейчас. Возможно, алкоголь начал действовать противоположным образом, но я уже почти не злюсь. Мне просто стало хорошо от того, что сейчас он рядом.

Но едва я слышу, как выключается сигнал «пристегнуть ремни», вскакиваю со своего места, разъединяя наши руки, и скрываюсь в туалетной комнате.

Несколько глубоких вдохов, и я наконец решаюсь посмотреть на себя в зеркало. Я вся красная, но не знаю, от адреналина из-за страха летать, или Фабиан так волнует меня. Моя зрачки расширены, а дыхание какое-то неровное. Чувствую, что сердце бьётся сильнее обычного, но не хочу признавать того факта, что мне нравится, что он рядом и что помог пережить взлёт – самое страшное для меня. Я отсчитываю семь минут после взлёта: по статистике, именно в первые 7 минут происходит самое страшное, дальше уже статистика говорит о снижении опасности. А я странным образом верю

этим данным.

Ещё несколько глубоких вдохов, и я готова вернуться в своё кресло. Неуверенные шаги, и я снова погружаюсь в мягкое кожаное кресло, пытаюсь делать вид, что Фабиана нет рядом, и всё это было плодом моего больного воображения.

– Я правда просто хотел поговорить, – он говорит так, что мне едва слышно. Я не оборачиваюсь на него и вообще собираюсь сделать вид, что не слышу сказанных им слов. Но Бойл берет мою руку в свою и снова переплетает пальцы так, что я смотрю на наши руки и не представляю, что делать дальше.

– Посмотри на меня, – его голос такой вкрадчивый, нежный, что всего на мгновение я замешкалась и забыла о том, какой он на самом деле человек, и посмотрела прямо в чёрные океаны, в которых когда-то утонула и, наверное, потеряла свою душу навсегда.

– Прости меня, я не знаю, что происходит со мной, когда ты рядом. Теряю всякий контроль. У меня не было никого уже целую вечность, а ты так приятно пахнешь, – он наклоняется ко мне, и я почти чувствую прикосновение его носа к шее, чтобы вдохнуть запах, о котором он говорит. Кажется, есть вероятность потерять всякий контроль. Но я не успеваю ни отстраниться, ни что-то сказать, как рядом присаживается бортпроводница со своей обескураживающей белозубой улыбкой.

– Добрый вечер, меня зовут Клэр, и сегодня я буду вас

обслуживать. Что я могу предложить вам из напитков? – она вручает нам меню, и Фабиану приходится выпустить мою руку из своей. Только это помогает мне собраться и вернуть почву под ноги, пока она не уплыла далеко за горизонт к моим неосуществимым мечтам о Фабиане Бойле.

– Принесите нам «Macallan», – опережает меня Бойл и возвращает девушке меню, вырванное у меня из рук.

– Не делай вид, что хотела что-то другое, я прекрасно тебя знаю, – говорит мужчина, смотря на растерянную меня так, что я не нахожу, что сказать. Да, он знает, чтобы я попросила мне налить. Возможно, он знает больше, чем многие другие, но всё равно это ничего не меняет. Он не способен быть тем, кто мне нужен, и не стоит забывать об этом никогда.

– Не люблю, когда принимают решения за меня, – бросаю я, чтобы сказать хоть что-то.

– Ещё как любишь, – усмехается мужчина и раздвигает столик передо мной, а затем продельывает тоже самое для себя. К нам возвращается проводница вместе с закусками и нашими напитками. И едва она уходит, я делаю пару глотков любимого напитка, чтобы как-то успокоить разбушевавшиеся нервы. Чувствую, как Фабиан следит за мной, но продолжаю делать вид, что его не существует, и это лишь призраки моего прошлого, как в «Рождественской истории», только более злые и приносящие боль от разочарования в собственном выборе.

– Давай поговорим?

– Не представляю, о чём ты хочешь поговорить, Фабиан.

– Посмотри на меня, – просит он, и я практически сдаюсь, но вовремя останавливаю себя и кручу головой в знак отказа.

– Это плохо для меня кончается, так что просто говори, – бросаю я и тем временем делаю ещё пару глотков виски.

– Ты должна понимать, что я забочусь о тебе. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Почему со мной что-то должно произойти?

Фабиан молчит, и это немного смущает меня. Он так бойко начал, что я почти поверила, вот только эта пауза кажется какой-то наигранной, будто он хочет придумать, но фантазия так и не подбрасывает хороших вариантов. Я наконец поворачиваюсь к Фабиану и смотрю на него в поисках ответов, но он продолжает молчать, чем окончательно рушит мою надежду, что он в состоянии говорить правду хоть кому-то в этом мире.

– Вот видишь, ты даже не можешь ничего придумать, Фабиан, – я осторожно беру его за руку, – ты должен принять тот факт, что наши пути разошлись. Я больше не вернусь, никогда. Чтобы ты ни делал, ни говорил и как бы ни старался, я никогда не вернусь к тебе. Прости, – я сжимаю его руку, прощаясь, и отворачиваюсь, чтобы допить свой напиток.

Он не произносит больше ни слова до самой посадки. А я не могу на него смотреть и при этом не чувствовать боль. Видимо, эта поездка домой и правда была определяющей и расставила всё на свои места.

Едва мы приземлились, и пассажиров пригласили пройти к выходу, я вскочила со своего кресла и уже собиралась выбежать из салона, как замерла и повернулась к Фабиану, продолжающему сидеть на своём кресле и смотреть в иллюминатор. Не знаю, что он пытался там разглядеть. Зачем он вообще прилетел в Вегас? Но надеюсь, что однажды, он найдёт то, что искал.

– Прощай, Фабиан, – говорю я так, чтобы он услышал меня, но не дожидаясь ни прощальных слов, ни даже взгляда. Я просто ухожу по длинному телетрапу, оставляя свою любовь в самолёте. Это даже прозаично: однажды, именно он оставался в аэропорту, а я улетала в самолёте, потому что была неспособна принимать его и дальше, ведь я хотела, чтобы он меня любил. А теперь я ухожу, потому что хочу всё той же любви, но уже не от него.

Я получаю багаж, ощущая всю тяжесть этого дня, в который вместились все наши отношения с Фабианом. Безумная страсть, любовь, боль и разочарование – я будто проскочила годы за один день и ощутила в конце этого пути всё ту же пустоту. Но, едва двери открылись, и я увидела улыбку Дэна, мне было уже наплевать на эти ощущения. Я была дома.

До тех пор, пока я не обняла Дэна, я и не думала, что соскучилась так сильно по нему, но утопая в его объятиях, ощущала прилив таких чувств, что свело живот.

– Ты дома, – шепчет он мне в волосы, сжимая с силой так, что перестаёт хватать воздуха, и я не могу скрыть счастливой

улыбки.

– Я так соскучилась, – отрываюсь я от мужчины и смотрю на него, как будто мы не виделись три года, а не три недели. Но его щетина отросла, и мне даже кажется, что он стал выше ростом, но на самом деле я просто отвыкла от того, какой же он высокий, по сравнению со мной.

– Как ты добралась? – он берет у меня из рук ручку чемодана и притягивает меня к себе другой рукой, целуя волосы.

– Это было очень долгий перелёт, – только и могу сказать я и двинуться вместе с Дэном к машине.

Мы идём медленно, то и дело останавливаясь, чтобы поцеловаться, и эти сцепленные руки на его талии не дают нам идти быстрее. Но я чувствую, как приятно быть рядом с мужчиной, который не скрывает своих чувств и не боится показаться смешным из-за того, что любит.

– Алиса, подожди! – вырывает меня из состояния эйфории голос, и против воли Дэн останавливается и вместе со мной оборачивается назад к кричащему голосу. По наполненному терминалу почти бежит Фабиан, размахивая руками в попытке обратить на себя внимание. Дэн молчит, смотря на эту картину, но я чувствую, как он напрягся под моей рукой на его спине.

Фабиан замирает возле нас и даже не смотрит на мужчину возле меня. Рассматривает моё лицо, будто запоминает.

– Будь осторожна, – только и говорит он, а затем целует меня в уголок губ и также быстро скрывается в толпе. Мы

с Дэном стоим, не шелохнувшись и не понимая, что это только что было.

– Какого? – произносит мужчина и отходит от меня, поворачиваясь, чтобы посмотреть в глаза.

– Даже не представляю, – отвечаю я чистую правду, – он явно не в себе. Возможно, ему стоит подлечиться, – улыбаюсь я, хотя ничего смешного здесь нет.

– Ну да, – бросает Дэн, явно разочаровавшись в моём ответе. Но он из тех, кто не будет устраивать разборки в людном месте. Поэтому Дэн с силой сжимает мою ладошку и ведёт по терминалу к стоянке. Мы молча забираемся в машину, также молча едем до самого дома. Дэн заезжает на подземную парковку и останавливает машину. Но двери не разблокирует, оставляя нас закрытыми в замкнутом пространстве его машины.

– Так что это было? – повторяет он вопрос немного севшим голосом из-за того, что слишком долго молчал.

– Мы вместе летели: видимо, таким способ он прощается, – я пожимаю плечами, смотря на Дэна, и не знаю, что ещё сказать.

– И что было в самолёте? – я вижу, как багровеет лицо Дэна, и не могу не улыбнуться на его неожиданную ревность. Обычно это не присуще ему – как правило, я ревную его ко всем поклонницам, а тут мы поменялись местами, и мне это даже немного нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.